

1927

25-го декабря 1928 г.

П Р А Г А

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

26

26

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ

25-го грудня 1928 р.

П Р А Г А

1928

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. *Максим Головатий*: На Свят-Вечір.
  2. *Юрий Гончаров*: Следы.
  3. *Сергей Макеев*: Черт в станице.
  4. *Павел Поляков*: * * * Стихи.
-
5. Праздник Вольного Казачества:
Речь редактора *И. А. Билого*.
Речь *И. Ф. Быкадорова*.
Речь *Ш. Н. Балинова*.
Речь проф. *М. А. Славинского*.
Речь проф. *Ф. А. Щербини*.
Речь *Б. Н. Уланова*.
Речь *Дж. Церека*.
Концертное отделение
  6. Приветствия Вольному Казачеству — Вільному Козацтву.
  7. Д-р *С. Федоров*: Анкета о Казачестве.
  8. *О. Долинский*: По поводу десятилетия Чехослов. республики.
  9. *Киянин*: О. Олесь.
  10. В С. С. С. Р.
  11. Казачья эмиграция.
  12. В Казачьих Землях.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Редакция журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“ сердечно благодарит всех тех, кто поздравил ее с годовичным юбилеем существования журнала „В. К.“

Всех сотрудников и читателей журнала „В. К.“ редакция его поздравляет с наступающим праздником Рождества Христова!

Румыния. — В. П. — „Доля“ получена. Подойдет. Имеем еще в запасе Ваше „О родном“.

Болгария. Агр. — И. М. Е. — Ваша рукопись „О сельском хозяйстве“... редакцией получена. Пойдет в одном из следующих номеров.

Франция. — С. М. — Фотография получена. Спасибо.

Югославия. — И. Г. — Посылаю письмо.

Польша. — Х. У. — „Кубань“ одержали. Використаємо.

Поличка — Т. — За такое письмо спасибо.

Бразилия — С. С. — Листа и вірші одержали. „Замбі“ для „В. К.“ не підійде. Решта піде в наступних числах. Вітаємо!

Прага. — М. Б. — Вірші одержали. Підійдуть обидва. Коли б же Вам дуже було потрібно, можемо повернути „Бог в...“

Прага. — П. С. — Просьбу исполняем!

Белград. — Б. К. — Журнал посылається по прежнему.

*****

Донской Казачий Хор с регентом С. А. Жаровым с глубоким прискорбием извещают о смерти дорогого друга, члена Хора, Штабс-Ротмистра

Николая Гавриловича Коротаяева,

последовавшей, после тяжелой болезни, 10 декабря 1928 года в Вене.

Розыски

Редакция „В. К.“ просит лиц, знающих адрес Кубанца, полковн. Никитина (проживает кажется, в Румынии, в Бухаресте) сообщить таковой редакции.

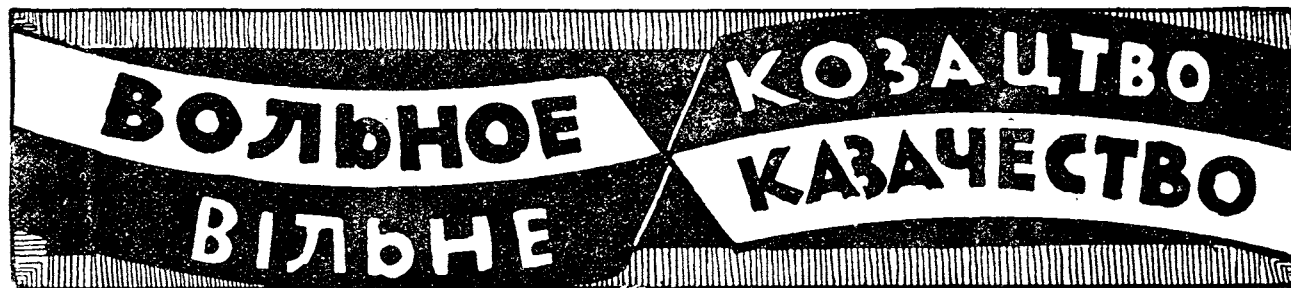
Генерала М. А. Фетисова (Всеv. В. Донского) или лиц знающих его адрес просят сообщить Praha. Nusle-Údolf Jaromířová, 456 I. JUDr Ing. S. Fedorov.

Розничная продажа журнала:

В Париже: Jacques Povolozky et Cie, Editeurs. 13 Rue Bonaparte, Paris VI.

В Праге: Чешско-русско-украинский книжн. магазин F. Svoboda, Václavské nám., 57.

В магазине имеются русские и украинские книги заграничных и советских изданий.

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Под редакцией И. А. Билого и М. Ф. Фролова.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Почтовый текущий счет в Чехословакии 303.997.

№ 26

Прага, вторник 25-го декабря 1928 г.

№ 26

Максим Головатий.

На Свят-Вечір.

(З дитячих споминів).

Як зараз памятаю:

Вечерю скинчено, гості одійшли. Узвар та кутю поставили на покуті, вкрили їх чистим рушником, підмели долівку, погасили світло у великій хаті та перейшли всі до теплої малої хати. Батько сиділи на лежанці, з люлькою в руках, мама сіли на ліжку, ми, діти — де-хто: коло батька й матері, на ліжку й на килими коло грубки.

Ніхто ще не хотів спати, навіть маленький Павлуно, і мати оповідали про Христа та його народини. Вони почали з того, на чому перервали їх запрохані на кутю гості.

— ...Ото-ж вони мусіли заночувати у воловній, де стояло два воли: один половий, другий — сірий. І мати Божа там породила свого синочка і поклала його в ясла на сіно. І воли тоді перестали їсти, і, тихо ремигаючи, дивились на святу дитину.

— І не було у Божої Матері теплої води, щоб обмити Христа, і воли побачили те і облизали його обережно своїми гарячими язиками.

— Та-ж у волів язика шорсткі! — налякано промовив Павлик.

— Та для тебе вони шорсткі, а для Христа вони були мякенькі, — одповіли мати і говорили далі.

— І була бідна Божа Матір, і не було у неї чим прикрити Христа, і воли дізналися про те і стали дишаги на святу дитину і диханням своїм гарячим загрівали його.

— І не було у Божої Матері пелюшок, ні сповивача, і скинула вона з себе плахту і завернула в неї свого синочка; і розірвала вона свою запаску і хотіла зшити з неї сповивача. Була в неї і голка і нитка, та не було у воловній світла. І побачив то Бог з неба і наказав трьом великим зорям світити прямо до воловній, й у воловній стало видко, як на дворі серед ясного дня. І зшила Божа Матір сповивача і сповила Христа, і він лежав, а спати не хотів, і очі у нього блищали ясніше за ті три зорі, і воли радісно ремигали коло нього.

І ввійшов тоді хазяїн воловній і спитав:

— Чого воли так ремигають? На-що ви світите тут, у воловній світити небезпечно!..

Нічого не одповіла йому Божа Матір, а Христос подивився на нього. І як подивився він на хазяїна, той упав на коліна, увірував і перехрестився.

Потім хазяїн встав і заклопотаний ввійшов, а через де-який час він та його жінка принесли Богородиці та Йосипу їсти та пити і частували їх.

Тим часом до воловній наблизились три царі з Далекого Сходу, де живуть чорні, жовті та зелені люде...

— Ой, лишечко, — скрикнула Оля. — То-ж ті чорні царі налякають Христа!..

— Ну, перебили її мати, — Христос був не такий лякливий, як ти. Та й царі не всі були чорні. Чорний був тільки той, що царював над чорними; той же, що правив жовтими, був і сам жовтий, а котрий прийшов од зелених людей, був зеленим. Але всі вони були лагідні та ласкаві і дуже гарно вдягнені, з коронами на головах. І як були вони в коронах, так і стали на коліна перед Христом і помолитись до нього і поклали перед ним жертви й дарунки свої: той — ладан, той — смирну, а той — образки в золоті та в дорогих каміннях.

І стало у воловній, як у церкві: сяли зорі, як лампади перед іконостасом, пахло ладаном та смирною, блищали ікони золотом та дорогими каміннями.

І Христос поговорив з царями, подякував їм і вони пішли собі до-дому...

— Ой, як дивно, — зашепотів Павлуно, — тільки що вродився і уже в пелюшках говорить! А Івасько має вже цілий рік, а й досі не вміє говорити...

— Дурний ти, Павлуно, — перебила його Оля. — То-ж Івасько, а то Христос...

— Годі, діти! А то не буду дальше оповідати.

Всі стихли, а мати говорили далі.

— І прийшли пастухи з поля. Як з'явилися три великі зорі на небі, вони зняли шапки, перехрестились, і найстарший між ними сказав:

радіуйте люде, радуйтеся, земле, Христос народився!

І всі послухались його й пішли за ним, бо він був найстарший серед пастухів, йому було вже сто літ, і був він мудрий, бо довго жив на світі і багато бачив.

І без шапок, співаючи молитви, з батіжками в руках, йшли вони до воловній, а за ними йшла вся череда їх. Вівці дрібненько бігли по семеро в ряд, кози, переганяючи одна одну, а малі козенята плигали наперед, бо були дуже цікаві. Позаду, поважно хитаючи рогами, ступали корови, а вже за ними тюпки рухались свині, облизуючи по дорозі поросят, бо ті були дуже брудні, як на таке свято.

— Дивись, — прошепотів до Олі на цілу хату Павлуно, — і поросят до Христа пустили!

— Ні, їх не пустили до воловній, бо скотині, крім тих двох волів, не було там де стати, але Христос бла-

гословив усю череду, бо то, хоч не люде, а все таки створіння Божі, і без них люде не вижили-б на світі.

І проговоривши так, мама трохи задумалась і мовила далі рівним голосом :

— І пастухи помолились йому, і Христос привітав старших серед них, кожного по імені назвав, а малим пастушкам наказав, аби що-дня, рано і вечір, не забували молитись Богу і слухали своїх старших. І потім пастухи одступили од дверей, щоб видко було череду, і Христос поблагословив усю худобу.

— Корови мукали, вівці мекали, козенята плігали, а одно з них, наймолодше, вскочило таки до середини і притулилось до ніг Божої Матері. Божа Мати погладила його по голівці, і воно ні-защо не хотіло йти геть з чередою, хоч і кликала на нього мати його. І пастухи подумали і подарували Христу козенятко, а з ним і його матір-козу, щоб було кому годувати його.

І коли пастухи одійшли, Йосип підвівся і сказав :

— Збирайся, Божа Матір, час нам рушати до Єрусалиму.

І Божа Мати взяла за руку святу дитину і хотіла йти з волонні. Та Христос, що був уже на самому порозі, слухаючи Матір свою, повернувся назад до волів, і поцілував кожного з них у лоб, і од того поцілунка у кожного з них стала на лобі біла лисинка. І поцілувавши, сказав їм Христос :

— За те, що ви були добрі до мене, ви і ваші волонні нащадки будуть завше розуміти людську мову, а раз на рік, у Свят-Вечір, і говорити зможете, як люде. І будуть хазяями вашими і нащадків ваших тільки добрі і побожні люде, і не будуть вони ніколи бити, ні, навіть, лягти вас, хіба що з серця, — на те не зважайте.

— Мамо? — спитала тихо Оля. — То-ж наші волонні, мабуть, од тих волів походять. Бо-ж у нашого полового та у сірого на лобі біла лисинка, вони добрі, тихі, і тато їх ніколи не б'ють і не кричать на них.

— Того не можна знати, доню, — одповів Олі тато. — Може й так, може й ні. Наші волонні добрі, слухняні, — це правда, і бити їх нема за що. Тай взагалі скотину б'є тільки той, хто гріха не боїться, бо то-ж створіння Боже... У неї, правда, душі нема, але пара єсть, і коли ти з нею добрий, вона відчуває це і вдячна за те. От якось раз було у мене з конем. Поїхав я...

— Поїхав та й вернувся наш тато додому і подарунки од зайця дітям привіз, — перебила мама. — Буде вже нам балакати. Пора спати, діти вже очами рівно дивитись не можуть... Та й нам з тобою пора — і мама позіхнула і перехрестилась.

Тато засміялись, і всі ми розійшлись по своїх кутках помолитись та лягати.

Серед ночі я прокинувся, наче мене щось штовхнуло. То-ж сьогодні Свят-Вечір!.. Правду казала Оля: наші волонні з тих волів, у обох лисинки білі, і у полового й у сірого... То-то, над вечір, коли я з татом був у волонні, і тато накладали сіна до ясел, половий так дивився на мене, наче щось сказати хотів, та ще не час було йому говорити, він дістає цю силу тільки о-півночі. Він чекає на мене, щоб я прийшов, бо має щось сказати мені... Тих волів Христос благословив... Піду...

Я підвівся на ліжку. В хаті було тихо та ясно, повний місяць дивився прямо у вікно. Павлуно, що лежав зі мною, мірно дихав, Оля щось прошепотіла, — але вона часто говорить у сні, і ми за це сміємось усі з неї. Мама й тато з маленьким спали у великій хаті. Вони не почують. Тато сплять твердо, а мама натомилась. Наталки — наймички у кухні немає, вона сьогодні

дня у батьків ночує. Піду. Тихенько зліз я з ліжка, щоб не розбудити Павлуна, укритв його обережно і на ципках пішов до кухні. Тільки тут я зрозумів, що не можна мені йти по снігу так, як я був: босий, в одній сорочці, без шапки. Та вертатись назад боявся бо й не знав добре, де я роздягався на ніч. Тато мені подарували червоні чобітки і, здається, я одніс їх до великої хати. Я не знав, що робити, та побачив коло вікна на кілочку батьків кожущок та шапку, а коло печі сушились батькові чоботи.

За хвилину, вдягнений в усе батьківське, я навпомацки йшов через темні сини, і мені завважив Сірко, що спав там зімою, а тепер терся об мої ноги. Хоч-би не гавкнув!.. Я погладив Сірка по голівці, і він тихо вийшов зі мною разом із сінєй.

На дворі мене взяв роздум. А що як північ уже минула, і я проспав? Але скоро я заспокоївся, подивившись на небо. Місяць ще не завертав, Віз дивився вгору; Чепіга стоїть вечірня. Швидко, як тільки дозволяли мені батьківські чоботи, побіг я по прокопаній в снігу дорозі до волонні, а Сірко, підвівши хвоста вгору, немов розпитуючись, випереджував мене.

Коли я підійшов до волонні і став одчиняти її, Сірко зневажливо подивився на мене та спустивши хвоста, тихо пішов назад, позіхаючи. Я одчинив воріття. Воли лежали. Сірий куняв, а половий повернув голову і глянув на мене так пильно і неначе докірливо. Я побіг до нього, обняв його за шию і поцілував у лисинку на лобі. Половий ремигнув, крутнув головою і знову став дивитись на мене. Я сів на соляний камінь, що стояв між яслами і чекав. Там так добре було сидіти, бо камінь стояв давно і воли вилизали в ньому круглу, гладку ямку. Я дивився на полового, а він дивився на мене. Я посидів трохи, знову встав і почухав вола за вухом, а потім за другим. Половий глянув на мене, розкрив рота, але не говорив, і тільки ще раз крутнув головою, не спускаючи з мене очей.

Брали мене жаль і сльози.

— Волику мій, — говорив я половому, — я ж тебе люблю, батько вас ніколи не б'є, добре годує, ми всі вас любимо, а ти мовчиш, не хочеш говорити зі мною...

Половий уважно дивився на мене, поки я говорив, а потім враз одвернув голову і став дивитись на ясла.

— Не хоче говорити... Може я образив члм його? Чи він роздумав?... Волику мій, говори, я ж для того прийшов до тебе серед ночі...

Але половий і не подивився на мене. Він тихо ремигає, дивлячись на ясла.

Я тихо сидів на камені і плакав. Мені здалось, що я чимсь тяжко грішний, бо до грішних людей воли не говорять. І мене чекає кара, — кара, пекло... Ой, у пеклі зле!.. Чорти з рогами, відьми, вовкулаки, грішники, вогонь... От, наче хтось з тих грішників говорить мені:

— Хлопче, як ти сюди попав...

А другий каже: — Ходімо.

Прокинувся я рано в ліжку. Коло мене сидів Павлуно і докірливо дивився на мене, а мама, побачивши, що я проснувся, підійшли до мене.

— Ну, що ж, з тобою воли говорили?

— Мовчали, мамо, мовчали... — і я заплакав.

— Це тому, що ти був не слухняний... Ну, годі, не плач... Добре, що не застудився, що батько знайшов тебе скоро... Вставай...

Я почав обуватись, а коли мама одійшла, Павлуно сказав мені з докором:

— Чом ти мене не взяв з собою?... Я був слухняний, — зі мною вони говорили б...

Юрій Гончаров. (Прага).

Следы.

В полночь ударил набат.

Быстро, один за другим, скатилось в темень тринадцать тревожных ударов колокола. Потом все стихло... А через минутку с колокольни еще настойчивей сорвалось тринадцать содрогающихся ударов.

Двадцать шесть медных звуков кого-же пробудят от зимнего сна кроме церковного сторожа?

Казачи в станице видели тиховейные сны. Казачи спали.

Дремавший церковный сторож Меркулов похлопал

веками, одеревеневшими от холода и, прислушавшись к бурным рыкотам, вот тут — почти над головой, придарил рысью вон из сторожки, в дремный шатер снежной ночи.

Звонил самый большой колокол; веревка от его языка спускалась до земли и была привязана к колу. Но, к гневу Меркулова, внизу у кола никого не было.

— Ах, треклятые!.. На колокольню залезли... А-а-а што-п...

Колокол сделал передых и зазвонил снова.

Свистел удалой гуляка-забияка ветер и чихал на площадке, когда запыхавшийся Меркулов наконец взбежал наверх по темной, скрипучей лестнице. Он свирепо повел вокруг глазами и приосанился. Но на колокольню никого не было.

Колокол гудел и ревел, как-будто три языка сразу бились внутри и снаружи и, ответно настраиваясь, чуть-чуть шелестели маленькие колокола.

Озадаченный сторож заметался по площадке и бросился к перилам.

Внизу, далеко во все стороны, замаячили в тусклом снежном свете вросшие в белые сугробы грибовидные станичные хаты, а над ними колочими, сверкающими снежинками повисли звезды в синем морозном воздухе. От языка колокола, змеясь и дрожа, бежала вниз толстая бичева, но там, возле кола, никого не было.

Да, внизу никого не было.

У тщедушного сторожа спутанные волосы стали подниматься на голове и что-то придавило горло. И в тот миг, громово рывкнув напоследок, колокол вдруг замолк.

Меркулов побледнел и, спотыкаясь по ступенькам, побежал вниз, все ускоряя бег. Кругом было пусто и морозно...

Сторож долго стоял на месте, ощущая что-то странное... Высоко и царственно-гордо поднимая осеянный снегом купол, близилась карающим шагом молчаливая и вдруг ставшая чуждой и страшной станичная церковь. И по стенам, наклоняясь друг к другу, ехидно зашептались причудливые тени.

Затрясшись от страха, сторож вылетел за ограду и завопил в отчаянии:

— Пра-во-слааа!.. Выру-ча-а-а!.. и побежал в сторожку, напугавшись еще больше диким своим голосом.

Через минуту в сторожке засветилась свечка. А сторож прерывающимся голосом бормотал перед иконой успокояющие псалмы и бухал земные поклоны:

... „От вещи во тьме преходящая, от сряца и беса полуденна...“

И долго металась в окошке озаренная бледным светом плешивая голова Меркулова перед иконой Богоматери, и долго еще бил Меркулов земные поклоны, да выкликал миротворяющие слова псалма:

... „Падет от страны Твоя тысяща и тьма... тебе же не приблизится...“

Ночное происшествие живо разнеслось на утро по шумному и суетой переполненному базару. Бабы побросали на произвол судьбы свои горшки и махотки с каймаками и со сметаной и сгрудились крикливой стеной около размахивавшего руками и выкрикивавшего Меркулова.

— Бя-а-ды, — мрачно вздыхали казаки и бабы, качая головами.

А станичная церковь, у подножья которой гомонел на все лады праздничный базар, потонув верхушкой в тумане морозного утра, величественно и строго высила небу какую-то неведомую людям загадку.

Возы скрипели, кнуты щелкали — все двигалось в станице. Говор и выкрики в причудливый узор переплетались и реяли над базаром. Приехавшие из хуторов с пшеницей и маслом, с кислым молоком, печеными кабаками, подсолнухами и со всякой всячиной, рассказывали новую диковину. Будто через Донец тянется какой-то чертячий след; кто-то как-бы прошел по льду и на этих местах до самой воды вытаяли следы от двух

ног: один человеческий, только уж слишком большой; другой — скотский, да к тому-же подкованный.

— С гвоздями, — подтвердил тощий русачок в поддевке. Умные люди оба явления ставили в зловещую связь и сумрачно предрекали: к войне.

Молодежь просто недоумевала:

— Што оно такое, бабочки?

Бабы наперебой истолковывали все, каждая по своему. Старые люди, понуря головы, вразумляли:

— Либо бес, либо Аньчихрист...

Но жизнь на базаре, не взирая на грозность предсказываемых событий, била и клокотала. Сутолока и крики людей, гусей, поросят, продавцев и покупателей властно и настойчиво охватывали студеное утро.

И около Меркулова осталось только два сивобородых деда, при чем один все время угрюмо заявлял:

— Усе помрем.

Да. Несмотря на базарную суету, вероятно, немало казаков расходилось по домам под ощущением колочих слов угрюмого деда, напомнившего о тленности жизни...

Дед Солтысов с зятем Кирьяном с утра пошли через лес за лисицами. Снег и сучки хрястели под ногами. Сухие ветки щелкали и падали с деревьев, стряхивая сверху снежную пыль.

Кирьян шел молча и что-то щипало ему за сердце: не воротиться-ли?.. Молчал и дед.

Ох-хо. Звонок и чудесно-задумчив утренний лес в снежных узорных кружевах. Будто и нет ничего кругом, а какой-то затейник лишь выдумал всю эту зимнюю красоту.

Но у Кирьяна одна мысль: не воротиться-ли?

Правда, Кирьян уж очень подозрительный человек, как говорит братец Аким; но тот-же братец говорит и другое:

... все бабы — слабы...

Да, Кирьян сознает, что он человек подозрительный... но все-же, отчего-бы супружнице Дарье Петровне так суетиться и угождать перед собравшимся на охоту мужем?..

— бабы — слабы...

И почему...

— А што-п тебе черт лысый!.. — наконец выругался вслух Кирьян. Выругался и сконфузился под долгим взглядом деда.

Проходя мимо пышной елки, неизвестно как очутившейся у нас, Солтысов ткнул пальцем и проскрипел простуженным голосом:

— Усе деревья, как деревья... А эта одна — зеленая. Страмо-та...

Лес побежал, все снижаясь, в сторону и темные зайчиные следы запестрели и завертелись на снегу.

— Ну, ты — туды, я — сюды, — буркнул Кирьян, — расходись!

И охотники пошли в разные стороны, крепко зажав в руках берданки.

Бесцветные, мутно-серые облака крыли вечернее небо...

Кирьянова баба, покачиваясь и гремя ведрами, шла за водой.

Что и говорить — подозрительный он человек, Кирьян. Но только глянуть на крепкую, смуглолицую Дарью Петровну, так разве у сосуна в люльке не вздрогнет сердце. Ай, и хороша же бабочка! Поцеловать — да и помереть. В душу ей не заглянешь — не окна, а пожалуй не так уж и неправ подозрительный Кирьян.

Сумерки быстро выкатывались из-за каждого угла; мягкие облака бесшумно металась за лес. Вечер был пустынный и холодный...

Под ногами у Дарьи юлил и вертелся ветер и будто еле-слышную песню шелестел улыбающейся казачке. Знает ветер все на свете. Знает и что — там, в смеющейся Дарьиной душе, схоронилось. Поет проказливый бедокур веселую песню:

Не вечерняя то звездочка высоко в небе взошла,
Бабочка-д-молло-дая по-здно по-воду по-ошла...

Две собаки встретили бабу лаем, но Дарья перекинула лишь коромысла через другое плечо и бойко зашагала дальше.

... Прийди-и, прийди, мой разми-и-и-лай,

— За-авсегда дома одна ...

Замерзшие лужи стояли вокруг колодца, и длинный журавец застыл на одной ноге, обратившись в сосульку. У колодца никого не было, но в тумане улицы замаячил знакомый силуэт. Дарья усмехнулась.

— Ишь... — подумала баба, слушая, как завизжал на разные лады примерзший журавец.

Ведро, колыхаясь и стучаясь о стены, спускалось все ниже и ниже и наконец плюхнулось об воду. Тотчас-же в глубине что-то загомонило и вдруг гаркнуло сердито:

— У-юй!..

Дарья обомлела. Что-то с грохотом поднималось со дна колодца.

Баба взвизгнула и, швырнув в сторону коромысла, опрометью понеслась прочь.

А из глубины вынырнула чья-то огромная косматая голова и поглядела вслед улетающей Дарье. Гаркнула что-то и запустила вдогонку перепуганной бабе загорготавшее по кочкам ведро...

Вызвездило...

Белый лес сгрудился в непроходимые снежные стены. Робко мигали золотые ресницы звезд в темно-синей глуби небесной. Через лес медленно шел по запошенной стежке дед Солтысов.

Устал, старый хрен. На печку-бы...

Раступается снеговая глубь, трещат под ногами сухие ветки, будто певучие хрустали...

Вон — темной горкой виднеется давешняя непутевая елка. И, будто запугавшись в колючих иглах, сквозит и мигает между ветками серебрянная звезда. Лохматые ветви смыкаются со всех сторон, дрожит и бьется звезда...

— Во-на... — подумал дед и подошел поближе.

Шут его знает, что за чудеса хоронит в себе морозная ночь?..

Звезда погасла, а между ветвей закачался, играя и пересвечиваясь, прозрачный камешек.

С минуту потоптался на месте изумленный Солтысов. Потом, перекрестясь, высвободил корявыми пальцами из ветвей диковину и бережно опустил в кيسет...

Придя домой, долго ворочался дед на печи и щупал находку; потом придумал подвесить ее на лампадку в святой угол.

Зеленая, расплзшаяся луна выглянула из-за рамы и заструила колдовской свет через сосульчатые стекла. Тени стола и скамеек резко и таинственно выступили из темноты.

*****

Сергей Макеев. (Франция).

Черт в станице.

(Рождественский рассказ).

Зимний ветер с ревом и свистом зарывался в мягкие сугробы пушистого снега и с силой бросал кверху серебристые фонтаны снежной пыли. Деревья курились в жемчужной мгле, и хвойные ветви, облипшие рыхлой ватой, тяжело клонились к земле, образуя темную, непроходимую завесу.

В еловом дупле, с'ежившись в три погибели, старый черт коротал свой скучный день. Он с нетерпением ожидал вечера, чтобы можно было вылезти из дупла, поразмять свои заочневшие члены, отряхнуться, как следует, от блох, набившихся в его меховую шубу, и почесать о шершавый ствол искусанную за день спину. Нет никакого спасения от проклятых насекомых — залезли в шерсть, и холод не берет их.

Высунул старый голову из дупла, посмотрел кругом, — уже вечерело. Вылез, потянулся, расправил косточки и сладко зевнул.

Солтысов спустил ноги с печи и поглядел в угол. Камешек ожил. Цветные огоньки засверкали в нежно-зеленом свете луны и чудесные переливы зашевелились под иконой Богоматери.

Загаив дыхание, глядел дед в угол и мерещилось ему, будто какой-то сверкающий глаз горит и загадочно смотрит из угла...

Поздно ночью воротился Кирьян домой с рыжей лисицей за поясом. Устал Кирьян. И в отяжелевшем мозгу уже не стучалась надоедливая Акимова прибаюточка:

... все бабы — слабы...

Зеленым светом отливала белая снеговая скатерть под лучами криворотой, несуразной какой-то луны. Искаженное, мертво-желтое лицо с трудом просовывало вздутую щеку между колючих веток терна и дергалось вверх в невероятной судорге. Это зрелище вселяло Кирьяну в сердце неприятную тоску.

— Чарты ее знают, што оно такое! — проворчал казак.

Далеко за Донцом кое-где виднелись огоньки в хатах, тусклые и неуютные.

Кирьян заспешил через реку, боязливо косясь на огромные следы, зиявшие во льду. И украдкой перекрестился...

На другом берегу ярко пылал красный огонь в кузне, слышался ожесточенный грохот, лязг и гулкие удары молотов. Кто-то бегал и суетился. Пыхтели меха и громадные языки пламени вырывались из дверей и разметивались тысячами огневых искр...

— Хм, — озадаченно подумал Кирьян, — кто-ж это ночью в кузне работает?.. Нашел время...

Молоты ожесточенней заклацали по наковальне, тени заматались быстрее...

— Пойтить... поглядеть, што-ля? — подумал казак. Но тут в кузне что-то загрохотало и загудело. Огонь исчез и все стихло.

Кирьян подхватил берданку и, крестясь, быстро-быстро засеменил домой, безпрестанно оглядываясь назад...

Мохнатый, украшенный снежными узорами, лес реял хрустальным виденьем в нежных лучах утреннего солнца. Серебрянный иней блестел и огнился на деревьях, затканых в белые одежды и причудливой бахромой висел на ветвях. Пушистые лапы-ветки тянулись друг к дружке и искрились миллионами огоньков и звездочек. И всюду серебро и серебро сыпалось и сверкало в очарованном воздухе...

А через Донец, убегая в серебрянный лес, побежали два других гигантских следа, рядышком с первыми. Но уже подкованные на обе ноги...

Куда идти? По кошам таскаться надоело. Скучно, да и нет никого. Рождество. Все в станице гуляют, веселятся.

— Эх, пойду и я в станицу, давно уж там не был, — промолвил черт, — девчата, должно, гадаю, — повеселюсь с ними, или в шинок зайду, потолкаюсь с казаками.

Выбрался черт из под елок, вышел на поляну и направился в станицу.

Только стал подходить к околице, запнулся за что то и упал. Вскочил, сердитый. Да и как было не сердиться, коли нос расцарапал о какую то ледяшку. Оглянулся назад своими огненными глазами и чуть-чуть успел заметить удиравшего во все лопатки зайца.

— Ишь, косой д'явол, шатается по такой погоде! Сидел бы у себя в норе, а то лазит под ногами, порядочно человеку и пройти нельзя!

Прошел черт по темной улочке, никого не встре-

тил. Попрятались все от мятелицы, сидят греются у печек, да разговорами занимаются. Хорошо, небось... А тут вот сидишь день данишкой в дупле, и живым словом перемолвиться не с кем.

На площади кое-где светились огоньки, и слабый свет их через разрисованные узорчатым инеем окна выползал на двор. На самом видном месте стоял дом священника. Черт осторожно подкрался к окну, заглянул. Ничего не видно. Высунул горячий язык, подышал на стекло, потер мохнатой лапой и в маленькую, в медный пяточок, дырочку уставился одним глазом. Другой глаз прищурил, что бы лучше видно было.

— Ого! В карты режутся! А кто это рядом с попом? Неужели Лука Павлович — атаман наш? Да нет, не похож на него...

Щелкнула калитка. Жалобно проскрипели ржавые петли. Черт отскочил в сторону и спрятался за углом.

— так и-узнать могут! Чего доброго, наломают шею — с казаками шутить нельзя. Надо одеться в казачью шубу...

Поднялся на крыльцо, попробовал дверь, не заперто. На цыпочках пробрался в переднюю. Никого. До черта ли теперь, коли гостей полна горница. Вон и дякон с Беслинеевки сидит, покраснел, как вареный рак, от забористой зубровки. В прошлом году с ним пошутил черт — в ушьель завез.

Выбрал старый шубу с серебряными погонами, надел черную шапку, завернул шею красным башлыком и выскочил на двор. Посмотрел, вместо зеркала, в ледяшку, расчесал ногтями бороду и пошел вдоль по улице. Уж теперь не узнают, да и почет еще будет.

В правлении горел огонек. Черная от копоти лампа тонула в едком дыму. Дежурный спал, сидя за столом, и сладко, по сверчиному, свистел. Отворил двери черт и с клубом пара ввалился в „присутствие“. Проснулся дежурный, глянул мутными с просонья глазами и, как ошалелый, подскочил с рапортом. По козлиной бородке за участкового начальника принял.

Черт вытянулся в струнку, левой лапой под козырь взял, — видел на парадах, как делают, да только из далека наблюдал, не разобрал, какой рукой по уставу полагается.

— А где атаман? — строго, по начальнически, спросил.

— Так що, дома.

— Позвать сюда!

— Слушаюсь! — сказал дежурный и стрелой побежал за атаманом.

А черт тоже повернулся и пошел себе по станице. Пошутил, и довольно. И так тарарам поднимется.

Прибежал атаман. Запыхался. Поглядел туда, сюда — нет участкового.

— Ну где-ж твой участковый? — сердито буркнул он дежурному.

— Не могу знать, господин отаман, а тільки зараз вин тут був!

— Був... хмель, поди, гуляет в голове?

— Та я ї не то що пив, а і близько не бачив!

— Так где ж он делся?

— Та хіба на двір де вийшов!..

— А на чьих лошадях приехал?

— А от про коні міні і в голову не вдарило.

Посидел атаман, подождал. Нет участкового. Покричал на дежурного, чтобы зря не беспокоил, и пошел опять к попу в карты доигрывать.

Зашел старый в шинок мимоходом, да не понравился ему. Народу пьяного было много. Кричат ругаются, за кинжалы хватают друг друга. Того и гляди рукопашная начнется. Ни за что, ни про что и ребра покалечат. Потихоньку протискался на улицу. Дворовый пес — Сирко — залаял было, но и то сразу же узнал старого приятеля. Обнюхал, поласкался и залез опять в подворотню. А черт бегом пустился к тетке Соколихе, там девчата собираются по вечерам.

Еще издали услышал он девичьего голоса, обрадовался, — вот где веселье будет! Отворил двери, поздоровался:

— Мир честной компании!

— Спаси Бог! Добро пожаловать! — раздался голос хозяйки.

Сморщился черт, повел мохнатой бровью. Не могут они без Бога обойтись, только настроенье портят!

— Ги-и... та цеж Василь Забий-Ворота в сотників кожую нарядився! — воскликнула шустрая, лупоглазая Маруська Коваленко, — Й же ти Богу...

— Глядь, каким молодцом нарядился, а бороду то прицепил!.. подхватила другая.

Забрался черт в темный уголок, сел на скамью и ну на девчат заглядывать, да заигрывать. То одну шипнет, то другую ухватит. Кричат девчата, захлебываются от смеха, а ему и любо.

— Васька, черт, да посиди ж спокойно. Мы песню споем. — Затянули звонкими голосами девчата, да оборвалась песня, — парубки пришли с гармошкой, плясовую заиграли. Выскочил один парубок на середину хаты, размахнул широкими рукавами и, как вихрь пустился вокруг. И девчата в долгу не остались. С белым вышитым платочком пошла кружиться Дашка Атаманова. Разрумянилась, глаза блестя, пышная грудь под ватной душегрейкой колышется, дразнит парубков... Засмотрелся черт, и самому плясать захотелось. Надо же удале показать. Схватил за руку Маруську Коваленко и ну трепака откалывать, да так увлекся пляской, что вообразил себя настоящим казаком.

Залюбовались его танцем девчата, поглядели на ноги, как это он выделяет такие фортели, да и ахнули от испуга. Без сапог был старый, ну, известно, по копытам и узнали.

— Господи, да ведь это черт! — крикнула что есть мочи Дашка Атаманова и замертво повалилась на скамью. Испуганными голосами наполнилась хата Соколихи. Забились по углам от страха. Черт видит, что дело плохо, — ударить пора, а то парубки схватят и набьют по первое число, — подбежал, потушил лампу и был таков. Пока там пришли в себя, зажгли свет, а черта уж след простыл.

Перебежал старый через площадь, перевалился через церковную ограду, хотел дух перевести, да зацепился головой за веревку и ударил в колокол два раза. Опять пришлось утекать, и только на окраине станицы, возле кузни Никиты Банчука, черт пришел в себя.

— Что такое? В кузне огонь!.. Никита в Рождество работает?! — удивленно промолвил черт и потихоньку подкрался к дверям.

Никита, не смотря на праздник, работал. У почтара сани поломались, оглобли треснули, так железными кольцами просил стянуть. На водку обещал... А Никите не все равно? Будут гроши, Рождество и опосля справит.

Торопился закончить работу и задержался в кузне до поздна. А черт давно на Никиту зуб точил. Мыслимо ли дело, кузню запирает! Бойтся, чтобы не украли. А что тут взять? Подковы ржавые, или молот? Кому это нужно! Другой раз черту копыто нужно подскоблить, или просто около огня посидеть, погреться, изволь-ка через трубу лезть. Удовольствия мало.

— Теперь и на моей стороне праздник! — ухмыльнулся черт и, стряхнув с плеча снег, чтобы погон было видно, вошел в кузню.

— Здравствуй, Банчук!

— Желаю здравия, ваше благородие! З святками будьте здоровы! — ответил Никита, взглядываясь в серебряный погон.

— Вот, брат, дела какие; ехал я из Баракеевской, да по такой погоде и залез в яму. Завязла лошаденка насилу вытащил, а тут на грех поскользнулась и обломала подкову вместе с копытом... Никак иди не может. Бери, брат, инструменты, да и пойдем.

— Ну що ж, ще зароблю на якусь чарку, — смекнул коваль и, мигом забрав все, что требуется для ковки лошадей, пошел за чертом.

В открытом поле метелица гуляла по рождественски. Снежные вихри с завываньем бросались на человека и целко хватали его в свои объятья. Непроглядная тьма покрыла небо и горы. Не видно было ни зги. Шли молча. Никита выбился из сил и от усталости не мог даже подсчитать, сколько ему взять за работу. А

черт быстро шел вперед и думал только, как бы по-дальше завести Никиту и бросить.

— Ну і погода-же, ваше благородіє! Як би не ви, так ні за що б не пішов, — устало промолвил Банчук.

— По такой погоде только чертям гулять! — сказал, улыбнувшись, черт.

— А ще далеко, ваше благородіє?

— Уже скоро, — ответил черт, вслушиваясь в завывание метели.

В станице пропели петухи. Черт сразу же закружился вокруг Никиты, захохотал и исчез. Растворился в снежной мгле.

— Ну и ночка, — промолвил старый, залезая в дуло и с жаждою прожевывая еловые шишки, — вот

натешился, долго меня помнить будут! Фу, устал! Мочи нет!

А в станице на другой день только и разговору было, что про черта. Кто и не видел его, так и тот рассказывал всякие небылицы.

Никиту Банчука, едва живого, нашли верстах в двух за станицей. Чуть не замерз, бедняга, насили спиртом оттерли. Сотникова шуба очутилась в бане у Лукерьи Сагайдачной, а над Маруськой Коваленко долго смеялись, как она с чертом трепака откальвала.

С той поры каждое Рождество все были на стороже, все поджидали черта, а старый тем временем веселился в других местах.

Кубань то, магушка, большая!..

*****

Павел Поляков. (Белград).

* * *

Где же ты, воля, где солнце степное?

А-ль уж навеки, последний закат?

Где атаманы и войско бывшее?

Где вы, родные?.. молчат!

Не отзовутся... кому же ответят:

Нам-ли, забывшимъ свои курени?

Нам, ведь, по разному каждому светят

Степи родимой огни...

Гей!

Казачи...

Нет любви крепче вашей.

Вспомним-ка, вспомним пушок ковылей.

Полна, ведь, полна страдания чаша —

Об'единимся во имя степей!

Кровь наших прадедов, братьев погибших,

Кости в бесчисленных могилах степных, —

Все это жертвы безмерно любивших.

А-ль позабудем и их?

Нет!

— ... на Дону, что певалось, старинная

Песня...

... ее заводи...

Пусть дни изгнанья тяготные, длинные,

Слезы скопились в груди,

Пой...

... станичник...

Пой!..

... сквозь слезы...

Жди Великих Дней!

По степям промчались грозы —

Не было сильней.

Все ты скажешь в песне этой,

В ней напев родной,

С ней тебе не страшны беды,

С ней ты сам не свой,

В ней — желанье лучшей доли,

Счастья, светлых дней.

Пой же песню, пой до боли

Про красу степей.

Песня снова будит силы;

Песня — Божий дар,

Песня — голос из могилы,

Полный вещих чар.

Песни... деды их сложили

Под сполошный звон.

Эх!.. сильней они любили

Свой родимый Дон!

Что-ж? не забудем-же? С помощью Божьей

Будет работа дружна.

Нам, ведь, в скитаньях, во тьме бездорожья

На Дон! — дорога одна...

Что-ж!..

... не забудете?.. не отвечают --

Мертвая... страшная... тишь...

Господи! Дон мой...

... отец... умирает!

Господи Правый!.. услышь!

... Может быть, с тоской... с надрывом...

И нельзя писать...

Но вторю степным призывам...

Силы нет молчать...

Помнить каждое мгновенье,

Помнить каждый час!

Лишь любви великой силой

Деды Дон блюли...

Но... ушли они в... могилы,

Мы — сюда ушли...

И, изгнание изведав, здесь в чужом краю,

А-ль забудем славу дедов?..

... Волю?.. степь свою?

Праздник Вольного Казачества.

10 сего декабря, в день первой годовщины выхода в свет (10 декабря, 1927 г.) первого номера журнала „Вольное Казачество—Вільне Козацтво“, редакция журнала устроила редакционный чай, на который были приглашены вольные казаки, живущие в Праге, и гости-друзья и союзники В. К.

Просторный зал отеля „Graf“ был полон.

В 7¹/₂ часов вечера за столом президиума заняли места: редактор И. А. Билый и секретарь редакции инж. М. В. Минаев.

Открывая первый праздник В. К., редактор по чешски приветствует гостей и сотрудников, пришедших вместе с редакцией скромно от-

праздновать первый годичный юбилей журнала, взявшего на себя задачу формулировать руководящую политическую идею казачьей эмиграции, равно как и защищать интересы и права на

свободу и самостоятельность тех Земель Казачьих, которые сейчас так тяжело страдают под тяжелой пятой красной Москвы.

Далее редактор И. А. Билый продолжает:

Речь редактора И. А. Билого.

Год тому назад вышел в свет первый номер журнала „В. К.—В. К.“, постановившего себе ближайшей целью:

переориентировать Казачество на самое себя; внести ясность в казачий вопрос; поставить этот вопрос, вопрос об исторической роли Казачества и его исторической судьбе, как задачу саму по себе;

найти место и роль Казачества в будущем; бороться со взглядом на Казачество с точки зрения чужих интересов; бороться с точкой зрения служебной роли Казачества для кого бы то ни было и для чего бы то ни было;

формулировать смысл и содержание казачьей идеи;

наметить казачью государственно-политическую программу — поставить вопрос восстановления государственного бытия Казачества и

пробудить и усилить в Казачестве, прежде всего в нем самом, чувство своего народного достоинства, пробудить жажду к жизни для осуществления своих политических идеалов, для развития своего национального я...

Поставив себе эти общие цели, мы взяли на себя выработать ясную и определенную политическую программу на сегодняшний день и на ближайшее будущее и для казачьей эмиграции здесь и, пользуясь свободой, заменить для наших братьев несуществующую свободу там, — взять на себя формулировку и их желаний.

Должен наперед подчеркнуть, что мы не создаем ничего нового. Мы только формулируем, придаем „программные формы“ тому настроению и тем убеждениям, какие существуют в казачьей массе. Мы только говорим вслух то, что у Казачества было и есть, и что в последнее время выявляется все ярче и определеннее.

Формулируя казачью идею, творя казачью программу, мы первые становимся в ряды ее исполнителей, мы ставим себе к осуществлению конкретные задачи этой программы. Первая и наиважнейшая, самая трудная и самая ответственная наша задача сегодняшнего дня — есть задача освобождения Казачьих Земель из под власти РСФСР и СССР.

Эту свою задачу мы ставим рядом с подобными же задачами других народов Восточной Европы, политическая судьба и доля которых, сейчас по крайней мере, похожа на судьбу и долю Казачества.

Объективно, логикой событий, создается фактический „блок“ народов, борющихся за свое освобождение, создается не только по мотивам идеального далекого будущего, но, в первую очередь, для осуществления конкретных задач настоящего. Этой сначала практической „шко-

лой“ сотрудничества народов мы думаем наилучше будет проверено и „идеальное будущее“.

В своем журнале мы не только наметили эту первую свою „международную“ задачу — задачу создания Черноморско-Каспийской „антанты“ — сговора и соглашения „юга“ Восточной Европы, но стремимся всячески к тому, чтобы она из области „общих желаний“ перешла как можно скорее в область практического осуществления уже теперь — на время борьбы. Надо теперь уже создавать „прецеденты“ и предпосылки будущего Союза Народов Восточной Европы.

Братство по оружию — сильное братство. Блок, Союз будущего мирного времени для сохранения будущего положения вещей, будет сильнее и реальнее, если ему будет предшествовать Союз на время борьбы за освобождение, — Союз Освобождения Народов.

И сейчас, приветствуя наших гостей в этот день нашего скромного юбилея, мы высказываем твердую уверенность в том, что этот момент будет исходным моментом по пути к конкретному всех нас сотрудничеству над осуществлением основных общих задач настоящего времени.

Всем нам в одинаковой мере надо готовиться не только к борьбе за освобождение, но и ко „второму дню после освобождения“. Установлением уже заранее искренних и дружественных взаимоотношений создадим себе же хорошую обстановку, такую обстановку, чтобы, во время будущей страшной поры по восстановлению разрушенного, никому из нас не пришлось бы оглядываться на своего соседа с тревогой...

Не буду останавливаться здесь на других программных вопросах В. К. Они в достаточной мере освещены на страницах журнала, повторяются они в общих чертах и в сегодняшнем — юбилейном нашем номере.

Точно также не буду говорить я и о предпосылках программы Вольного Казачества в историческом прошлом, — эти темы занимали и занимают достаточно места в журнале. О некоторых из них скажет Вам после меня другой референт настоящего вечера. Только вскользь напомним здесь также и о тех других народах, главным образом степных народах, с которыми Казачество связано историей и которые ныне связывают свою историческую будущность с Казачеством, — об этом тоже вы услышите в особом слове.

Прежде чем перейти к дальнейшей теме своей речи, я хочу немного остановиться на недавнем прошлом, на том прошлом, которое мы еще помним, как и на том еще более позднем

времени и его событиях, в которых и мы сами принимали непосредственное участие.

Разрешите мне считать себя не очень старым. Мое детство и юность относятся к концу XIX и началу XX ст. Так вот: в конце XIX и начале XX ст., т. е. тридцать, двадцать пять лет тому назад в кубанских станицах казаки говорили:

Приехал — из России. Поехал — в Россию. А там, где мы живем, там — не Россия. Приходили и приезжали к нам — русские. Мы — не русские, мы — казаки.

Говорю это о народе; и о себе — так думали все, так думал и я. Теперь уже знаю, что так было и на Дону и у других казаков.

Только в Японскую войну и мобилизацию 1905 года получили казаки (это последнее относится особенно к кубанцам) некоторое представление о России, но „русскими“ не стали.

Пришел 1917 год. В Петрограде — революция. Пала династия. Установилось Временное Всероссийское Правительство. „Законное“ Пр-во.

Припоминаю кубанские события. Уже первое Войсковое Пр-во, созданное волею первой весенней Рады, — создано без спроса законного Всероссийского Пр-ва. Далее — Рада осенняя 1917 г. Петроградское Пр-во присылает трех комиссаров чтобы „убедить“ кубанских казаков делать все только с разрешения этого, законного Пр-ва. — Кубанская Рада в конце сентября и начале октября (по ст. ст.), т. е. тогда, когда Россией правило еще законное Всероссийское Пр-во из Петрограда, единогласно принимает первую кубанскую Конституцию, создававшую из Кубани по существу парламентарную республику, возглавлявшуюся своим Президентом — Атаманом и своим парламентом — Радой, и, несмотря на категорический протест Вр. Пр-ва, явочным порядком т. е. вопреки воле тогда еще законного Пр-ва, вводит эту Конституцию в действие.

И я принимал участие в тех решениях: был членом Войск. Пр-ва и членом Рады. Далеко не безинтересным отметить следующее: никто из нас тогда не ставил перед собою вопроса о том, имеем, или не имеем мы право делать то, что делали. Мы его все признавали за собою бесспорно. Никто из нас, как никто вообще из казаков, его не оспаривал, как никто никогда не пытался искать „доказательств“ того, что такое право нам принадлежит, никто никогда не искал „аргументов“: ни в истории, ни в экономике, ни в чем-либо другом. Наше право для нас, повторяю, было самоочевидным. Эти настроения в последующее время не ослабели нисколько.

Об „интригах“ тогда еще и наши противники ничего не говорили. В рядах „всероссийской революционной демократии“ тогда говорили о „казакомании“, об „ура-казаках“.

Так, приблизительно, было и в других Войсках.

Когда, мы год тому назад, выступили открыто здесь с программой В. К. вся российская общественность встретила нас так, как

встречала и встречает она все подобные выступления, все стремления народов к своему национальному самоопределению и государственной самостоятельности:

„Чужеземная интрига“.

Было бы бесполезной тратой времени доказывать что либо тем людям, которым в подобных вопросах логика слова ничего доказать не может, которым можно „доказать“ только логикой фактов, логикой событий. С этим мы считаемся.

Должен сейчас же подчеркнуть, что, по сравнению с 1917 и последующими „тамошними“ годами, ничего не изменилось, ни что касается нашего самосознания, ни что касается нашей воли... Попали мы за границу.. Получили возможность учиться, получили доступ в некоторые „архивы“. И удивительно. Сейчас же нашлась целая плеяда упорных и настойчивых людей, которые смело пустились в „исторические раскопки“, в „розыски“ и исследования, стараясь под наше право и наши желания подвести „фундамент“: одни — исторический, другие — экономический, третьи доказывают, что Казачество — особый народ, четвертые поставили вопрос о казачьей нации, пятые устанавливают происхождение Казачества...

Убедит-ли все это кого? — Тех, кто не хочет быть убежденным, или тех, кому это невыгодно, ничто, конечно, не убедит. И не в этом сила и ценность всех этих аргументов. Действительная сила и величайшее их значение прежде всего в том, что они нас, казаков, убеждают. Для нас этого достаточно.

События „убедят“ тех, кого они должны будут убедить.

И в одно еще верим:

Наша воля и наши аргументы убедят тех, чья политическая судьба сегодня одинакова с судьбой нашей, убедят тех, кто, так же как и мы, борется за свое освобождение, убедят: украинцев, кавказцев и всех тех других, кто имеет несчастье „добровольно“ пребывать сейчас в смертельных объятиях РСФСР, или СССР.

— Тех убедить надеемся.

Повторяли и повторяем: были бы счастливы, если бы нам все же удалось убедить когонибудь и из русских, если бы Казачеству удалось достигнуть своих ближайших политических и государственных идеалов без крови. Мы не хотим тратить ее с легким сердцем: кровь — последний аргумент, последнее средство. И чем меньше бы было пролито было ее в будущем, тем лучше бы было для обеих сторон. Мы не ищем войны ради войны, — мы только защищаемся, защищаем свою жизнь, свое право и свою свободу.

Хочу сказать далі де-кілька слів і про методи праці „В. К.“, як і про те, що ми вже за цей рік зробили.

Стаючи до праці, ми вирішили, що будемо користатися як найменше негацією, що в першу чергу поставимо проповідь свого позитивного програму. Нікого, крім головного свого ворога, а перш за все нікого з своїх козаків чи то ко-

зачих угрупувань чіпляти не будемо. Не будемо розпочинати полеміки ради полеміки, рахуючи, що уже самий факт нашого існування є „полеміка“. — Цього свого методу ми додержали до до кінця. Читачі „В. К.“ добре знають, що там, де нетреба, перші ми ні на кого не нападали, але тим, хто чіпляв нас — „здачі“ давали доброї. Так думаємо робити і в майбутнім.

Знаємо, що негацією чужого „жити“ легше, але своєї мети тим шляхом не досягнеш. Отже і надалі всю свою увагу ми будемо звертати на те, чого ми хочемо, а не на те, чого ми не хочемо, на те, що і як по нашому добре, а не на те, що у інших погане... Цей шлях трудніший, але він і дійсніший.

Вільні козаки знають, чого вони хочуть і ховати свої бажання, свої ідеали за негацією чужого, бодай і нехорошого, не думають. Ми хочемо творити, хочемо будувати, хочемо розпочати козачу епоху ренесансу. Отже, — конструктивізм наш шлях, а не боротьба з другими ради боротьби.

Все це, само собою розуміється, не стоюється до того головного ворога, який опанував зараз Козачі Землі.

Козацтво добре уміє володіти шаблею і плугом.

На великий жаль, воно до цього часу ще дуже мало володіло пером. А давно вже надійшли часи, коли і в нашому життю перо мусило б грати першу роллю. Бо наколи б це було так — не пролилось би задармо стільки козачої крові.

Біда козача була та й зараз ще є в тому, що воно дуже мало має своєї інтелігенції. Дійсна козача інтелігенція лише народжується. Від того, яка ця інтелігенція буде, — буде залежати все майбутнє Козацтва.

Що Козацтво в масі своїй самостійне, це викликає найменші сумніви у всіх, але признаємось, що, коли ми рік тому назад розпочали справу В. К., все ж таки знак запитання до того, як поставиться до „В. К.“ наша козача інтелігенція, а перш за все — офіцерський корпус, стояв перед нами досить виразно. Зараз, через рік, можемо як з найбільшим задоволенням констатувати, що і рядове козацтво, і козача інтелігенція і козаче офіцерство зустріли і прийняли „В. К.“ так, як і ми самі того в перший мент не чекали.

Ми не говоримо зараз, що справа В. К. вже зроблена, що все вже гаразд, що біля В. К. згуртувались всі. Ні, — справа лише розпочинається. Але той процент козаків, що рахують уже зараз справу В. К. своєю справою, і той процент інтелігенції та офіцерства, який активно вже став до праці В. К., — все це дає нам право рахувати, що справа В. К. стала справою всього Козацтва.

Лише в журналі „В. К.“ ми маємо зараз 60 чоловік сталих і активних співробітників, що розкидані майже по всіх тих країнах, де є зараз козача еміграція. Можемо з задоволенням підкреслити, що до цього часу ще ні один ко-

зачий журнал не зміг скупити біля себе, себто біля своєї ідеї, такої кількості активних козачих письменників та журналістів. І це — за один рік.

Це та найкраща відповідь, яку Козацтво дає всім тим, хто ще й зараз силкується справу В. К. представити, як чіось „інтригу“.

Це теж само свідчить, що ті питання, які ми рік тому назад поставили і протягом цього року боронили, — що всі вони стали питаннями всього Козацтва. Навіть і тої його частини, яка не поділяє думки В. К. Тепер уже козачого питання одними фразами не вирішиш і з Вільним Козацтвом одними словами не поборешся: програмі Вільного Козацтва треба, коли хто хоче з ним боротись, прогиставити другий програм. Одні загальні хоч би і „високі“ слова тепер уже не допоможуть.

Одного цього було б досить, щоби варте було рік тому назад вийти в світ першому числі „Вільного Козацтва“. Не лише в нашому світі внутрішньому — козачому — але і по за межами Козацтва поставили ми за цей рік свого існування і в багатьох випадках захистили козаче питання.

Козаче питання було „ясним“ лише для російської політичної та громадської думки. Для багатьох народів б. Росії питання Козаче або не існувало, або вони його не розуміли. — Можемо сміливо сказати, що зараз це вже не так. Більшість росіян нас ще ненавидить, але гадаємо, що і вони скоро переконаються, що не рахуватися с Козацтвом серйозно уже неможна.

Інші народи, які саму появу „В. К.“ так щиро вітали, добре розуміють, що Вільне Козацтво виповнює собою і для них той „рєзрив“, який існував між народами півдня Східної Європи.

Остається ще одне питання надзвичайної ваги: це — посільки рух В. К., який найшов для себе такий добрий ґрунт у козачої еміграції, — посільки він може рахувати на успіх там?

Щоби можна було дати правдиву відповідь на це питання, треба було б припам'ятати лише події в Козачих Землях 17 — 20 р. р., припам'ятати Донську і Кубанську Конституції. То все ж ми робили вмісті і разом с братами та батьками своїми, що залишились там, на батьківщині. Там говорити зараз вслух не можна. І тому це останнє питання треба ставити так: посільки козача еміграція політично не розійшлася зі своєю батьківщиною?

Придивимось добре до козачої еміграції. Це єсть — плоть од плоти і кість од кості свого народу. У козаків наїздницькою, збройною рукою викинуто за межі батьківщини частину самого народу. Активну частину. Ця еміграція кровно і органічно звязана зі своїм Краєм, зі своїм народом. Козаки там — не перестали рахувати козаків-емігрантів своїми. І там і тут — це все ще одна і та ж генерація, одно покоління. Теперішня козача еміграція — вся вона виросла там, дома і, одірвана від бать-

ківщини фізично, психологічно від неї не одірвалася. Ми тут, а вони там — ми думаємо однаково. Між нами нема розриву, який є, напр., між еміграцією російською і руським народом.

І ще одно: ми знаємо, що нас чекають і чекають „без зміни віх“. Там живе і ніколи вже не вмере ідея Круга — суверена, ідея Ради — суверена.

Ось чому ми знаємо, що ми не розійшлися зі своїми братами там і при зустрічі зразу ж зрозуміємо одні одних.

І не одні лише „теоретичні“ міркування дають нам право твердити вищесказане. Той, хто читав коли козачі листи відтіля, той добре знає, що то правда.

Та і вороги наші з усієї своєї сили сприяються до того, щоби підтримувати самостійні течії серед козацтва: це вони — сьогоднішні господарі ситуації там, це та дійсність, що панує там, найкраще допомагають тому, щоби ми, — батьківщина і її еміграція — не розірвалися. Навіть більше: не лише самостійність — там уже і самий чорт не страшний, — аби зміна! аби прийшло дійсне визволення!

Допомагають ростові самостійних течій серед Козацтва московські большевики не лише своєю безглуздою політикою терору та ліквідації Ко-

зацтва. Політична і національна свідомість Козацтва росте навіть при одному погляді на ті „автономні“ республіки, що повстали між або на межах Козацких Земель. Козаки не рахують себе гіршими...

— Підводячи ще раз підсумки всій своїй праці, можемо з певністю сказати, що йдемо по справному шляху. За минулий рік пройшли ми лише перші кілометри його, знаємо, що труднощі ще спереду, що дійсна праця нас ще чекає, але ми її не боємося, бо знаємо одно: з дороги вже нас не зібють. Та й не одні ми на ній будемо.

Кінчаючи своє слово, можу запевнити, що в другім році свого життя журнал „В. К.“ своє діло зроби так, як нужно і як мусить, а Вільне Козацтво кожний день, кожду хвилину є і буде готовим стати в перші ряди до боротьби за здійснення своїх ідеалів.

Вітаючи ще раз наших гостей, побажаємо як найщиріше, щоби ці наші сходини в Празі стали прообразом як найближчих Конгресів Вільних Народів там, на вільній і незалежній батьківщині кожного із нас, там — в Черкаську і Катеринодарі, в Києві і в Тифлісі, там, де над нами буде царювати один лише закон: рівний з рівним, вільний з вільним.

Речь И. Ф. Быкадорова.

Первое слово после редактора берет ген. Быкадоров.

Семь лет — начинает он — казачья эмиграция (я не ошибаюсь, т. к. считаю до дня появления, год тому назад, первого № журнала Вольного Казачества) семь лет казачья эмиграция питалась, если не исключительно, то главным образом из идеологического, психологического и морального источника российской эмиграции. Были упования, подъемы и падения и в результате всего — горькое разочарование и чуть ли не потеря веры в самого себя.

В самом деле, господа, что представляет собой казачья эмиграция? Это часть казачьего народа.

Из Казачьих Земель, представлявших недавно независимые республики, вышла часть народа со своими государственными органами, правительствами и парламентами (Войсковыми Кругами и Радой).

Казачья эмиграция ушла в изгнание с заветом свободно выраженной воли казачьего народа. Донским Войсковым Кругом 18 сент. 1918 г. было постановлено (аналогичные решения были, где раньше, где позже, приняты и другими Казачьими войсками), была установлена заповедь: „Все великое Войско Донское есть самостоятельное Государство, основанное на началах народоправства“. Эта заповедь, первая статья конституции Донского государства, осуществленная Казачеством, была выстрадана ошибками и заблуждениями одних, потоками крови и смертью других своих лучших людей.

Господа, ведь, всего за год перед тем, в июне 1917, воля казачья была выражена скромно, с принятием в основу интересов в первую очередь не своего края Донского, а интересов общероссийских; это видно из соответствующего указа Войскового Круга. Вот он.

„Грамота от Первого Войскового Круга всего Великого Войска Донского, избранному вольными головами Войсковому Атаману, нашему природному казаку, генералу и георгиевскому кавалеру Алексею Максимовичу Калединому. По праву древней обыкновенности избрания Войсковых Атаманов, нарушенному волею царя Петра I в лето 1709 и ныне восстановленному, избрали мы тебя нашим Войсковым Атаманом“.

Тогда это было всего — восстановление своей ав-

тономии и не больше. Даже о федерации тогда не говорили еще.

Но „великая русская революция“ заключала в себе с первых же шагов „великую ложь“. И ложь эту усвоило Временное Правительство и российская революционная демократия: — освобождение и свобода принадлежали только им, народу русскому, или вернее, великорусскому, другие же народы, входившие в состав бывшей империи, должны были оставаться в прожнем закрепомении. Так было ранее у царского правительства, так осталось и при новом, революционном. Вспомните: — и у украинцев, и у грузин, и у других не было вначале стремления к отделению. А как были встречены их скромные, законнейшие попытки к осуществлению автономии или федерации?

Всем памятно, чем кончилось для самого Дона осуществление автономии в 1917 г. в России. Временным российским правительством Выборный Донской Атаман А. М. Каледин и все Донское войско было объявлено мятежниками. Только отсутствие реальных сил у Российского правительства предохранило Дон от расправы в то время. И это в то время, когда вооруженные силы Донского войска, как и других Войск, спасали российский фронт Мировой войны.

Может ли быть, господа, что-нибудь подлее и гнуснее? И подлость эта остается действенной до настоящего дня: мы не слышали до настоящего дня признания в своем преступлении главных виновников тогдашних событий. К сожалению, имеются казачьи деятели еще и сейчае на службе у этих российских „вождей“.

Пришла еще более революционная, еще более русская власть — советская, и казачество, наученное горьким опытом, сделало вывод о необходимости и неизбежности возвращения к положению, существовавшему не до 1709 г., а до 1671 г., т. е., к возвращению к своему самостоятельному государственному бытию.

Покойный А. М. Каледин сказал: „не верить большевикам“, но ими был весь великорусский народ, был и есть. Логический вывод из действий великорусского народа повелевал уже тогда: „не верить великорусскому народу в целом“. И не в приходе ли к этому выводу и

в сожалении упущенного — разгадка смерти А. М. Каледина?

Донское войско в 1918, после кровавой вооруженной борьбы, стало самостоятельным государством. Пришли опытом своим кровавым к тому, что диктовало историческое прошлое Казачества. Самостоятельное государственное бытие не было „тактикой“, „временным“, как это говорят некоторые.

Пребывание 2½ г. членом Донского Войскового Круга и товарищем председателя его, участие в вооруженной борьбе — дают мне право и налагают обязанность заявить, что утверждение, будто бы самостоятельное государственное бытие осуществлялось временно, — является не меньше, как политический шантаж. Казачество вело войну не только с советской властью, а и с целым государством великорусского народа.

В этом стремлении сохранить себя, свое государственное бытие Дон, Кубань и Терек и черпали свои силы в неравной борьбе с северным соседом. Извращение целей борьбы некоторыми ответственными казачьими деятелями того времени подорвало силы борцов и привело к краху.

Самостоятельные казачьи государства были и существовавшие обратилось в должествующее бытие. Для Донского войска воля его остается в силе, остается в силе заповедь: „Всевеликое Войско Донское должно быть самостоятельным государством, основанным на началах народоправства“.

Общей государственной жизни у Казачества с русским (великорусским) народом не может быть: у казачества нет и не может быть доверия к русскому народу. Совместная государственная жизнь может быть в результате порабощения одного другим. Казачество никогда не стремилось к тому, а у великорусского народа порабощение, „великодержавность“ является его природой.

Вот, господа, в ст. I Донской конституции, в сущности, — вся идеология, все цели, все задачи и программа Вольного Казачества Дона. У других казачьих войск она совершенно тождественна. Вот почему мы тесно, неразрывно связаны; вот почему по природе все Вольное Казачество едино.

Вот, почему, господа, знамя, врученное в свое время казачеством бывшим вождям своим и отброшенное теперь ими, благоговейно поднято нами, Вольным Казачеством, как святыня, год тому назад.

Отуманенные, заблудившиеся, не обрешившие еще святыни, не являющиеся нашими врагами. Мы, вольные казаки, глубоко убеждены, что многие (знаем уже по опыту) придут под казачье знамя, обретут самих себя, подчинятся воле Казачества, выраженной для Донского войска в конституции 18 сент. 1918 г. Враги Казачества из рядов Казачества определятся позже.

Но друзья, союзники Вольного Казачества, господа, уже определились: мы не одиноки.

Друзья и союзники эти — все народы бывшей Российской империи, стремящиеся к своему национальному освобождению, к осуществлению своего самостоятельного бытия. Наши естественные друзья и союзники — также и народы, уже освободившиеся от России и СССР и живущие самостоятельной государственной жизнью. Естественный союз, блок народов Востока Европы, диктуется не сентиментами, а жизненными интересами их, взаимными выгодами: он — необходимость и неизбежность.

Национальное самоопределение и освобождение — есть общее достижение человечества, его разума и совести и стало программой человечества; противопоставление ему — порабощение, советское и всякое иное...

Господа, перед Вашими глазами в течение года проходила часть ценнейшей и ответственной работы Вольного Казачества — Вы читали в течение года журнал „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“. Я не буду касаться оценки всей проведенной работы. Коснусь только части работы исторической.

Все народы при национальном своем возрождении обращались прежде всего к своему прошлому. Часто знакомство со своей историей и первоисточниками было толчком к национальному пробуждению. Такой путь естественен и для Казачества.

Но ни один народ-победитель никогда не представлял истории народа победленного в истинном свете; он представлял ее под своим углом зрения, освещая в своих интересах. Он не только оправдывал свое господство, но выставлял это господство и порабощение как необходимость, как неизбежность, как благо. Так было и с освещением истории Казачества российской исторической наукой. И наша общая задача — представить все свое прошлое в истинном свете; необходимо казачу взглянуть на украинца с казачьей точки зрения, украинцу с украинской точки зрения и т. д. — С своей точки зрения, под своим углом зрения, а не через российский кривое зеркало или очки.

Вот казачий угол зрения. Он и поможет нам найти истинное прошлое Казачества.

У всех народов были свои борцы за свободу, свою национальность. Российская история представляет деятелей Казачества через кривое зеркало, непременно служителями российской идеи, идеи господства и порабощения. Но даже в ее освещении рельефно выступают образы борцов за свободу, за национальное возрождение, окончившие служение своему народу, кто ссылкой, кто плахой, кто в эмиграции (я привожу только донцов); вот наши герои: Турчанинов, донской историк Сухоруков, Евграф Грузинов, атаманы: Степан Ефремов, Булавин, Некрасов, Разин, Михаила Дмитриевич Каторжный, Сары-Азман и др. Это — предки Вольного Казачества. Конечно, не историческим только правом, правом прежнего самостоятельного государственного бытия может быть осуществлено будущее такое бытие. Оно будет осуществлено — страстной жадной свободой, свободной волей прежде всего.

Донскому ли казачеству, имевшему богатое и блестящее прошлое, Кубанцам-Черноморцам — потомкам Запорожцев — и прочим искать примеры и поучения в чужих образцах!?

Недостающее — казачество сумеет почерпнуть из достижений человечества — его ума и совести.

Для постижения настоящего часто обращаются к прошлому; для постижения русской революции и для предвидения исхода ее, обращаются и к Французской революции и к смутной эпохе.

Вольное Казачество имело также аналогию в прошлом.

Возникновение Вольного Казачества в середине XVI ст. и образование вольных республик из них — Донского, Яицкого и Терско-Гребенского войска имели решающими факторами такие же, какие являются решающими и теперь.

Подонское казачество, особый народ, неизвестный русским историкам, на переломе XIV и XV ст., после разгрома Мамаем, Тохтамышем и Тамерланом Подонья, ушел большей своей частью на север и оселился на окраинах Московского и Рязанского княжеств. Осталась меньшая часть на севере Подонья и часть близ Азова. Последняя в начале XVI ст. также переселилась на юго-западную окраину Московии. Эти казаки своей ратной силой служили Московскому и Рязанскому княжествам, были в зависимости от них, но сохраняли свое устройство, быт и народность. И вот, развивавшиеся в конце XV и начале XVI ст. всяческое самодержавие — государственно-политическое, социально-экономическое и религиозное, и стремление к насильственной ассимиляции, поставили казачество перед невозможностью жить общей государственной жизнью казачества с великорусским народом.

Этот фактор прошлого аналогичен с современным положением. Возможность ухода Казачества на старые свои места в Подонье связан был с возможностью отдельного, самостоятельного существования, приволье степей, его естественные богатства. Этот фактор возможности в настоящее время изменяемая для Казачества в необходимость, т. к. только при своем самостоятельном государственном бытии и может Казачество жить и пользоваться своими естественными богатствами и развернуть свои силы, духовные и материальные.

История Казачества под любым углом зрения, только не под российским, показывает, что органической

связи казачьего народа с великорусским народом, Казачьих Земель с Великоросией никогда не было.

Действительно, служение Казачества своими ратными силами было честное, часто полное героизма и жертвенности. В последнее столетие государственно-служилое закрепощение Казачества было крепкое, — но не это сущность, природа и идеал казачества.

Недостаток времени не даст мне возможности сделать дальнейшие экскурсию в историю.

Сегодня, господа, празднование годовщины выхода в свет первого № журнала „Вольное Казачество“. Но не в этом сущность — газет и журналов было много. Журнал „Вольное Казачество“ — есть первый свободный и независимый, действительно Казачий журнал, все освещающий исключительно с точки зрения интересов и блага Казачества и никого иного.

Речь Ш. Н. Балинова.

От имени калмыков-сотрудников „В. К.“ выступил Ш. Н. Балинов.

И история и опыт всех культурных народов, начал оратор, приводят к очевидному и убедительному заключению: лишь тогда народ процветает, лишь тогда он начинает жить и творить всеми силами своей души и тела, лишь тогда он достигает более или менее высокого и сильного развития в своей национально-политической, культурной и экономической жизни, когда он становится с а м о ц е л ь ю, когда он имеет все возможности свободно развивать свою национальную самобытность, свое национальное бытие...

Одним словом, для истинного развития всякого народа нужна одна вещь: полная национальная свобода, полная национальная независимость. Нация должна стать самоцелью...

Утеснения, притеснения свободного развития народов, как неумолимый геологический процесс, раздражаются роковой катастрофой и для притесняющих и для притесняемых народов.

Германская война и была началом такой катастрофы. Она дала толчок и российской революции. Она, как круги воды от брошенного камня, пошла по всему миру, поднимая, пробуждая все притесняемые народы. И эта потребность, эта жизненная необходимость свободного развития национальных самобытностей не зависит ни от уровня развития культуры, ни от цвета кожи...

Национальное самосознание, сознание своей национальной самобытности, сознание необходимости всестороннего национально-культурного, экономического развития и политического возрождения Калмыцкого народа жило и живет в среде калмыцкой общественности.

Конечно, мы не обольщаемся и никого не соблазняем. Калмыцкий народ — небольшой народ, но он и не так мал и беспомощен, чтобы не думать о своем свободном развитии, о своем национальном возрождении. Не должно забывать, что не только в Европе, но еще более в Азии, мы занимаем большие пространства. Бодрость и надежду придает нам и наше славное историческое прошлое, — оно свидетельствует о тех больших силах, которые таятся в душе и творческих способностях нашего народа.

Кроме того, мы полагаем, что небольшие и даже малые народы не должны смущаться и падать духом: настоящий исторический момент дает один великий фактор, приливающий огромную силу малым народам: это — солидарность общих интересов, вольный Союз вольных народов, достижение священных для свободы народов целей общими усилиями.

Повторяю, что у нас, представителей калмыцкой общественности, сильно желание видеть свой народ свободным, возрожденным, приобщенным к науке, просвещению, преуспевающим в своем культурном и хозяйственном развитии, без чужой указки, по своему разумению, устраивающим свою жизнь, свой дом, свой угол.

И это наше желание не является чем то новым, только нами выдуманым. Оно всегда жило в душе и

Во время своего подъяремного существования, Казачества и в Российской империи, и в составе Российской демократической республики 1917, и в СССР Казачество не имело и не имеет своего свободного печатного слова. И в эмиграции его не было.

Сегодня, господа, годовщина поднятия заброшенного казачьего знамени, обретение казачьей святыни, год служения Вольного Казачества своему народу, своим краям и никому иному.

Работа проведена в журнале за год большая, но большая, конечно, впереди, и я, как Вольный казак Дона, приношу искреннюю, глубокую благодарность редакции журнала и всем ее сотрудникам за то, что сделано, и желаю им сил и неослабевающей энергии в работе и впредь.

мыслях калмыка. И это свое право на свободную, независимую жизнь калмыки с оружием в руках и с большим успехом защищали и отстаивали в течение полутора века — с момента прихода из Джунгарии на Восток Европы в начале второй четверти XVII ст. и до конца третьей четверти XVIII ст., когда большая часть калмыков, отстаивая свою национальную независимость, убегая от дикой политики русской власти, ушла обратно в Джунгарию. Наши братья, зюнгарские калмыки, сто лет с оружием в руках дрались с Китаем, защищая и отстаивая свою национальную и политическую свободу.

„Калмыки никогда не были рабами“ — так постоянно отвечали они русским царям, всегда домогавшимся полного их подчинения своей власти. И это гордое заявление у калмыков не расходилось с делом: на дела и действия царей калмыки отвечали тем же. И только тогда, когда в 1771 г. $\frac{3}{4}$ Калмыцкого народа во главе с ханом Овши ушло обратно в далекую Азию, русская власть смогла подчинить себе оставшихся калмыков.

С потерей национальной независимости надолго задержалось культурное развитие калмыков и только с начала XX ст. оно у них пошло быстрым темпом вперед. Но пришли большевики, все разрушили, разорили и до сегодняшнего дня продолжают свое неслыханное издевательство над душой и совестью народов. Калмыки с самого начала подняли борьбу против большевиков и продолжали ее до последней возможности: в этой своей борьбе они были единоклюбы и стойки, как никто другой и даже в самый страшный час, на Черноморском побережье, когда многие пошли на милость победителя, калмыцкий полк не склонил своей головы перед торжествующим врагом, а в полном вооружении единоклюбно стоял за продолжения этой борьбы.

Недаром один донской генерал, видя эту героическую стойкость, твердость духа, плакал от восхищения и с глубокой тоской говорил: „Эх, если бы мне несколько таких полков“...

Но — сила соломой ломит... Как бы мы стойки и тверды не были, нас мало, мы одни бессильны. Это не значит, что нужно покорно подставлять свои шеи под топор московских палачей. Победитель властвует уже много лет и добровольно уходит не собирается и не уйдет. Нужна борьба с общим нашим врагом, а в этой борьбе должны объединиться все те, кто желает освобождения своим народам.

Нашими верными друзьями и соратниками исстари являлись казаки, Казачество. И в предстоящей борьбе, мы верим, они не изменят этой своей старой традиции. Мы верим, что калмыцкий народ, поддержанный возрожденным Вольным Казачеством, увидит лучшее, светлое будущее...

Но, к глубокому сожалению, не все казаки стоят на почве активной борьбы с большевиками, с этими злейшими нашими врагами, с властью Москвы. Одни призывают казаков на одиннадцатом году большевизма примириться с ними и выражают позднее сожаление, что казаки вообще то напрасно

боролись с большевиками (Гребенников). Для этих лиц потоки казачьей крови, пролитой за права и честь казачьи, реки слез казачек, пролитых над жертвами большевиков, — ничего не значат.

Другие, из-за боязни расчленения несуществующей России, готовы до бесконечности продолжать нечеловеческие страдания народов под большевистским рабством.

Но вот, год тому назад, создано казачье объединение, ставящее себе целью активную борьбу с большевиками, освобождение Казачьих Краев от власти СССР, проповедующее подлинную казачью идею, идущее подлинным казачьим путем без робкого, заискивающего поглядывания на других. Это объединение, ставя своей священной целью возрождение Вольного Казачества, вместе с тем по человечески разрешает национальный вопрос, исходя из принципа равноценности национальностей, взаимного и действительного уважения.

Цели и задачи В. К. естественно нашли отклик в среде калмыцкой общечеловечности, и некоторые ее представители сочли своей неременной обязанностью работать вместе с этим объединением и вместе с ним стремиться к общей нашей цели — освобождению своих народов. Мы верим, что и другие степные народы, находящиеся в одинаковых с нами условиях, со временем присоединятся к течению В. К., ибо это есть единственный путь, способный привести к возрождению Вольного Казачества и близких ему степных народов.

Боевым органом данного течения, его печатной трибуной является журнал „В. К.“, годовщину выхода первого номера которого сегодня мы скромно отмечаем. За это время этот журнал проделал большую работу по пробуждению казачьего самосознания.

Встреченный злобой и ненавистью всей русской эмигрантской печати, он ныне стал необходимой потребностью для каждого казака. Но мы надеемся, что этот успех не „вскружит головы“ редакции, и она „не

почнет на лаврах“. Предстоит еще много работы тяжелой и ответственной. И хочется верить, что руководители журнала, умудренные опытом, с этой работой сумеют справиться и журнал, по прежнему будет продолжать быть верным выразителем, отражателем всего нового, здорового в Казачестве и дружеских ему народов.

Будем верить, что следующую годовщину нашего журнала нам удастся справлять при более радостной обстановке.

Пусть разной масти русские „патриоты“ кричат: предатели, изменники, враги русского народа. По Вл. Соловьеву это называется „завывающим и хрюкющим“ национализмом. А по нашему это просто неправда, ложь, клевета! Мы стоим только за право и правду своих народов. Мы хотим только того, что является аксиомой и для такого русского человека, как Вл. Соловьев, который писал: „Всякая народность имеет право жить и свободно развивать свои силы, не нарушая таких же прав других народностей...“

Мало того, он считает это требование равноправия для всех народов обязательным, ибо оно „вносит высшую нравственную идею“ в политику.

Вот почему мы, во имя торжества этой нравственной идеи в политике, счастья и благополучия наших народов, со спокойной совестью будем продолжать нашу работу, делать наше дело, твердо веря, что освобожденное, возрожденное и укрепившее свое собственное бытие Казачество и вольные народы найдут достойную форму для установления действительно братского сожителства и с русским народом, и со всеми другими.

И это действительно Свободное, Вольное Казачество и вольные народы, а в том числе и наш родной Калмыцкий народ, наравне с другими народами, будут идти не только со всем славянством, но выковывать и общечеловеческое дело...

Речь проф. М. А. Славинского.

От украинцев с большой речью выступил проф. Славинский.

Уважаемое собрание, начал свое слово почтенный профессор, свое приветствие я предполагал произнести на своем родном языке, но, прийдя сюда, переменил свое намерение и решил говорить по-русски. Нас, украинцев, часто упрекают в том, что мы ненавидим русский язык.

Говоря в вашей среде по-русски, я хочу этим показать, что это неверно, что ненавидим мы не русский язык, а тех людей, которые пользуются этим языком для выражения отвратительных мыслей. Язык тут не причем, ибо все языки хороши или плохи, в зависимости от того, что на них говорят...

Мы здесь в гостях у „Вольного Казачества—Вильного Козацтва“. Налицо — представители всех народов, соседствующих с казаками. Одного только соседа нет — северного. Этот факт — не случайный. Представители северного соседа на такие собрания не ходят, — даже и тогда, когда их усердно приглашают. Вспоминаю такой эпизод. В 1917-ом году, в сентябре, накануне большевистского восстания, по инициативе Украинской Центральной Рады, созван был в Киеве Конгресс Народов. Приглашены были все народы бывшей России, и все они отозвались, приславши своих представителей. Приехали из Сибири, Кавказа, из Балтики. Не явились лишь представители великорусские; не отозвалась на приглашение и одна политическая партия, не ответила ни одна общественная организация. А между тем дело шло о судьбах государства, которое они считали своим, на карте стояла его история. Все будущее востока Европы определено на этом Конгрессе; а они туда не явились. Не явились потому, что хотели не сотрудничать, а командовать. Такова их политическая психология. Они сами не всегда даже сознают эту свою особенность, но они всегда ее проявляют...

За судьбами Казачества слежу издавна. Прежде всего, как теоретик национальных, областных и государственных вопросов. Кубанцы интересовали меня, как

одно из разветвлений украинской нации, в котором отчасти продолжена, отчасти консервирована минувшая история нашего Запорожья. Донцы и терцы — как своеобразный сплав, резко обозначенный психологический тип старого вольного народа, осевшего и удержавшегося на перепутьях и концах Украины, Великодержавии и восточных народов. Слишком много времени отнял бы у нас пересказ этих моих наблюдений. Скажу поэтому коротко. Для меня совершенно ясно было, что в казачьих областях были всегда налицо все элементы создания и роста своеобразных национальных особенностей. Между прочим, по отношению к донцам, на направлении их обособления указывал уже давно мало заметный для широких кругов факт. А именно тот, что северная граница донского и великорусского населения, вопреки тому, что по обе ее стороны говорили одним языком, осталась неподвижной на протяжении столетий. А в то же время другая их этнографическая граница — донско-украинская — фактически исчезла еще перед войною, и украинцы, в виде так называемых „иногородних“ (крестьян), осели в перемежку с донцами на всем черноземном пространстве области. Случайностью такого рода факты объяснить нельзя. Очевидно, было некое внутреннее сродство, некая органическая общность в одном случае и некое отталкивание — в другом.

Нужно было время и известные условия для того, чтобы все развилось и определилось. И это произошло, когда над востоком Европы разразилась величайшая историческая буря, во время которой катастрофически погибла вековая Российская империя, деспотическую рукою сдерживавшая все национальные и областные движения. Стены великой „тюрьмы народов“ распались, заключенные вышли на волю, и перед ними встала дилемма: восстанавливать старое общее здание, или строить каждому на своей земле, по вольной воле своей. Ответ на эти вопросы, казалось, был ясен, — однако, он обозначился не сразу. Пока существовал некоторое время авторитет общероссийских командных

верхов, — военных, политических, идеологических, — до тех пор движение склонялось как будто к первому решению. Когда же это общероссийский авторитет распался и на его место стали местно-национальные силы; когда, под давлением событий, народные массы вышли из пассивного состояния и активно вступили в дело, — тогда восторжествовало решение второе: жить по своей воле...

В 1917—1918 гг. история переменялась. Народы востока Европы стали организовываться в самостоятельные государства, исполняя тем веления своих „мертвых“. Поясню это выражение. Великий поэт и патрон украинского народа Тарас Шевченко в одном из своих произведений определил нацию, как единство, состоящее из мертвых, живых и тех, которые еще не народились. Спустя несколько лет, вне связи с ним, знаменитый французский социолог Огюст Конт дал этому определению динамическую силу, указавши, что жизнь народную направляют не столько живые, сколько мертвые. Этот „закон мертвых“ с особою силою проявляется во время великих народных потрясений.

В обычное, нормальное время широкие массы, все средние и даже высшие люди живут по установленным готовым шаблонам. Мощные, так сказать, скрепы, — семейные, религиозные, национальные, государственные, — удерживают каждую человеческую общность, определяя линию поведения отдельных людей и целых народов. Нарушение этих скреп карается, — иногда законом, иногда обычаем, иногда общественным мнением. Сила этих скреп в нормальное время неясна. Самыми сильными кажутся те, на страже которых стоит санкция действующего закона. Такова, например, скрепа государственная. Самыми слабыми — те, за которыми этой санкции нет, как например, скрепа национальная. В действительности это не так. Скрепа государственная потому и нуждается в защите закона, что она недавнего, сравнительно, происхождения, что далеко не все „мертвые“ признавали ее. Скрепа национальная, с другой стороны, так глубоко уходит в историю народа, что покоряются ей все „живые“ и без приказаний извне. Обнаруживается это в периоды великих катастроф. В это время рушится „закон“, а с ним падают и все скрепы, им защищаемые, и в первую очередь самая молодая из них — государственная. Надламываются скрепы и самые старые, как семейная, религиозная и национальная. Но они скоро выпрямляются, оздоравливаются. С этого времени начинается новая жизнь народа, вернувшаяся в новые времена на старые пути, указанные бесчисленными поколениями предков. В политической плоскости эти пути ведут — к самостоятельной государственности.

Первою по этому старому-новому пути, указанному предками потомкам, пошла Украина. Вслед за нею появились на той же дороге Балтика, Кавказ, замыслили государственные вехи в Казачьих Землях. Катастрофа 1917 года разломала бывалое государственное единство (обозначая в грубых чертах), на две части: блок северный, великорусский с частью финских и сибирских народностей, и блок народов Черноморско-Каспийского бассейна. Блоки эти — не дипломатические выдумки, не результат сговора тех или иных организаций, — они органическое создание природы и истории. Говорят, что между севером и югом бывшей России нет естественных границ. Это ошибка. Конечно, нет океана, высоких гор. Но есть граница, проведенная историей и традицией, культурными и национальными особенностями, экономическими и социальными интересами. Граница эта идет точной линией по 53 и 54 параллелям, от Днепра, через Дон и далее, и столетия остается неподвижною. Устояла она и перед силой царского режима, бессильны были что либо сделать и большевики. Обороняют ее все наши мертвые, все живые, на охрану ее встанут и все еще ненародившиеся...

Речь профессора Ф. А. Щербины.

Маститый кубанский ученый, профессор Ф. А. Щербина, по своему всегдашнему обыкновению произнес образную речь, богато подкрепленную фактами из своей многолетней, плодотворной для Казачества жизни.

В этом блоке на юге долго не было казаков, и это тревожило нас, украинцев. Знали и ощущали мы неизбежность их появления, но все же вставал перед нами беспокойный вопрос: кто у нас в тылу, — враг или друг? Большевицкое наступление 1918 года реально указало нам и казакам необходимость общего действия. Состоялось и соответствующее соглашение двух государств, — Украины и Дона. Но это было соглашение командных верхов, — и, как теперь мы все это знаем, — состоялось оно в пользу третьего, — командной Москвы, — и удержалось недолго. Необходимо было казакам время, — пережить свои внутренние настроения, освоить и осознать особенности своего положения. Время это прошло, положение осознано до конца, решение принято, и проявлением этого за границей является возникновение организации и журнала „Вольное Казачество—Вільне Козацтво“.

Если-б это было решением лишь эмигрантским, — оно было бы малоценным. Но мы знаем, что это не так. Тысячи свидетельств с Украины, Дона и Кубани говорят нам о том, что казачьи силы всею массою своею стали по нашу сторону указанной выше границы между двумя блоками востока Европы. Разрыва на границе нет, стальная цепь Черноморско-Каспийских государств закончена до последнего звена. Неписанные договоры и обязательства спаяли кольца этой цепи. Вяжет нас нечто гораздо более крепкое, а именно, общественное и народное сознание общности всего нашего будущего, всех интересов наших, — государственных, политических, культурных, социальных и экономических. Интересы эти сильнее всех договоров и обязательств. Эти последние явятся в свое время, когда для этого настанет час и потребность, и будут они лишь отображением первых. Теперь же все мы знаем одно: без самостоятельной Украины не будет самостоятельных государств вокруг Черного моря и Каспия; без этих последних — вечная угроза с северо-востока будет висеть над одинокой Украиной. Этого сознания нам на сегодня довольно, — оно определяет все наши отношения...

Могут сказать и, вероятно, многие скажут: — Все это планы, предположение, все это — будущее, а настоящее у нас грозное, печальное, неорганизованное... — В этом есть правда. Конечно, настоящее у нас мало утешительное. Но не потому ли это нам так кажется, что настоящее окружает нас, близко возле нас, а будущее не все мы видим? Конечно, потому. Близкое всегда мешает далекому, и кто хочет понять близкое, должен уметь видеть далекое. Только тогда человек может оценить настоящее по достоинству, когда он знает свое будущее. Мы все его знаем, все видели его, — не долго, но видели. Нам осветили его молнии исторической бури, пережитой нами, указали громы катастрофы...

Вспоминаю эпизод из упомянутого выше Конгресса Народов, на котором обозначились наши национальные пути. Там тоже нашлись огорченные скептики, которые говорили: — Все это золотые сны ... сны приходят и без следа уходят. — Им был дан всеобщий ответ: — Да, это — золотые сны. Но золотые сны человечества всегда осуществяются. Осуществятся и наши...

Правы были ответившие и не смутившиеся; работают они и теперь над осуществлением своих золотых снов, и радостен будет для них день возвращения на родину...

Золотые сны человечества всегда осуществяются, — это закон его развития. Великая французская революция явила эти сны полтора столетия тому назад, и некоторые из них осуществились лишь теперь, на наших глазах. В наше время все процессы идут неизмеримо быстрее. Мы живем в эпоху, когда, по словам Священного Писания, один день — как тысяча лет. И верю я, что все мы, — даже и те, которые перешли уже зенит своей жизни, — все мы еще раз увидим наши сны, и на этот раз, каждый у себя дома — и на яву.

рейшего казака, старейшего и по возрасту, и по времени служения идеалам и интересам казачества, начало которому было положено 73 года тому назад, когда он, еще в ранней юности, был постоянным слушателем всех станичных Рад, познавая тогда уже силу казачьего существа и источники его народоправства.

Ф. А. Щербина нарисовал ряд предпосылок, которые потянули его к изучению казачьего быта и дали возможность написать ряд ученых трудов.

И вот теперь, говоря не как политик, а как старый ученый, историк, социолог и финансист, он, на основании своих многолетних наблюдений и опыта последних поездок за границу, где он виделся и встречался с многочисленной казачьей эмиграцией, констатирует непреодолимую тягу казака к казаку.

Он на опыте убедился, что и „Вольное Казачество“ имеет сильнейшее влияние на казаков, потому что дух „В. К.“ и его идеи исходят из самой казачьей природы.

„В. К.“ преследует цель казачьего объединения и как нельзя больше отвечает запросам казаков.

И, говоря как ученый, он в особенности обращает внимание молодой казачьей интеллигенции на те экономические процессы, которые происходят сейчас в жизни антибольшевизмического света и влекут за собою политические сдвиги.

Речь Б. Н. Уланова.

Б. Н. Уланов из своего опыта члена всех Донских Кругов, Верховного Круга и члена Донского Правительства, всегда думал, что в строительной работе всегда надо исходить из интересов Казачества и ни в коем случае не с точки зрения интересов третьих лиц. Географически это можно обозначить — из интереса комплекса Казачьих Земель.

Было коренной ошибкой, когда казаки общественные и политические деятели строили все не на этих основаниях.

Теперь он с удовлетворением отмечает, что появилась группа казаков и именно казаков разных Войск, которые начинают стягивать Казачество в одно и укреплять свои казачьи устои.

Возражения против этой работы, что казаки, ведь, один народ — русский, несущественны.

Один язык, общий с русскими, еще не значит, что казаки один народ — русский.

Неправильно, что, мол, малые области Казачества не могут жить самостоятельно.

Дания, два скандинавских королевства с населением, почти равны одному Дону, Голландия, Бельгия, даже Люксембург с 500.000 жителей живут и живут хорошо. Также может жить и Казачество.

Гоголь писал: велика сила казачья, но вся беда в том, что сами казачьи деятели не верят в эту силу казачью. „Вольное Казачество“ верит в эту силу и несет ее и он бы желал, чтобы вера „В. К.“ закончилась торжеством.

Речь г. Джамбулата Церка.

Г. Джамбулат Церка выступает от имени пражской группы „Народной партии Вольных Горцев Кавказа“.

С большим интересом они следят за развитием работы В. К. по намеченным путям.

Крупнейшие промышленные государства задыхаются от невозможности найти потребителя, рынки перестраиваются, идет погоня за рынками.

Посмотрим на Казачество — оно сидит на исторической дороге, являясь само значительным производителем сырья и потребителем готового; за нами, казаками, — великие просторы кочевых владений; кочевники по духу — близкие к казачеству.

Все это громадный рынок, необходимый Европе и Америке.

А кто мы, занимающие его? Дон, Кубань, Терек, Кавказские и Степные народы, Украина, — рассеяны на исторической дороге.

Вы только подумайте о тех возможностях, которые отсюда простираются и подумайте, как экономисты, финансисты! Не о том, что говорит история — она нас только воодушевляет, а о том, что мы занимаем: объединенные казаки, Украина, Кавказ.

Наше объединение составит такую силу, что мы можем окрикнуть: „казак идет — посторонись!“ настолько мы сильны.

И я говорю не о теоретических рассуждениях, а о действительных фактах.

Поэтому я желаю полного объединения Казачества, — тогда нас будут выслушивать все народы.

Да здравствует все казачество!

И, как калмык, он приветствует „продерзкую“ мысль Вольных Казаков — калмыков, говорящих об идее возрождения калмыцкого народа — о, дерзость! — о калмыцком государственном образовании.

Какие то „калмычки“ — инородцы, назначением которых было служить у подножья двуглавого орла, осмеливаются говорить об этом и Вольное Казачество с ними! — восклицает с пафосом говорящий.

Далее он рисует перспективу исторического славного прошлого Калмыцкого народа, потом истребленного на 12.000 душ.

Эти калмыки спаслись и размножились и ни дикая политика вельмож Екатерины, ни позднейшие пристава не уничтожили его.

Они язык наш вырывали из нашей души, но мы не уничтожены и не будем уничтожены, пока нас не истребят физически до единой души, до последней женщины.

Великие народы свою роль сыграли, очередь за малыми и у них должны быть знаменосцы и идеи и священных прав.

Задача, которую взяло на себя Вольное Казачество, — собирать, свывать — самая существенная задача и можно только жалеть, что она не осуществлялась раньше.

Линия поведения „В. К.“ есть линия революционная, идет она на подъем и, может быть, не за горами будет то время, когда мы будем свидетелями и участниками торжества его идей.

Интересы Казачества им близки и понятны, а к тому же и общи.

Совместно с В. К. осуществим самое дорогое, что только может быть у народа — идею своей независимости.

В. К. сеет свое семя на добрую почву.

Концертное отделение.

В программу редакционного чая входило и музыкально-вокальное отделение, в котором любезно согласились принять участие свои же казачьи силы: г-жа А. Билая (супруга редактора), донец г. Левицкий, — известный оперный певец, кубанец Ю. П. Залесский — тенор.

Часть музыкальная началась блестящим исполнением на рояли г. Т., подающим большие надежды, на

поприще ученом и искусства, молодым кубанским инженером.

За ним выступил Ю. И. Залесский, прекрасно исполнивший арию из оперы „Галька“. М-ше Билая очень мило спела ряд романсов на чешском языке, вызывая дружные аплодисменты публики.

Присутствующие получили также редкое удовольствие услышать, не с концертного подиума, а вблизи,

в своем кругу, любимого казачьего певца-Баяна Левицкого.

К сожалению, за поздним временем программа концертного отделения далеко не была исчерпана, и повторения на бис пришлось ограничить.

Присутствующие очень тепло, дружными аплодисментами награждали исполнителей, а m-me Билой был поднесен букет роз.

По окончании гости долго еще не расходились, продолжая дружескую беседу.

*****

Приветствия „Вольному Казачеству – Вільному Козацтву“.

(По случаю его годовичного юбилея).

ДО ВІЛЬНОГО КОЗАЦТВА.

* * *

Прошуміло аж два століття —
І козацька родина злилась.
А степи наші кров'ю умиті,
А над світом — залізний час...
Але знаю — цей час буде славен, —
Бо в пожежі — прозріли ми:
Не задушить Мазепа Булавина
У проклятті минулої тьми.
Степова далечіль сміється.
Тане ночі остання мла.
В чорне серце Кремля смертоносно уп'ється
Половецька стріла.

Євген Маланюк.

Як зійдеться десятого
Попить гуртом чаю, —
Пошліть думку, брати мої,
До рідного краю.
Нехай летить до рідного,
Нехай лихо боре,
А з вас кожен в сю годину
Хай так проговоре:
Душу й тіло ми положем,
Зкуєм Краю волю
І посієм правду й щастя
По рідному полю.

Гнат Макуха.

Милостивые государи!

Искренно благодарю за приглашение на Ваш сегодняшний праздник. Очень сожалею, что причины личного характера (выезжаю на Родину) мешают мне быть сегодня с Вами.

Журнал Ваш „В. К.“ я узнал сейчас же после выхода в свет его первого номера, и постоянно им интересуюсь. Глубоко верю, что Ваши справедливые желания и стремление к независимости осуществляются, а роль Вашего журнала в настоящей „подготовительной“ работе есть и будет весьма важна.

Приходится искренно сожалеть, что Белорусы в настоящее тяжелое время не могут помочь Вам материально. Зато на моральную помощь с Белорусской стороны можете рассчитывать всегда.

Мы, Белоруссы, Ваши стремления понимаем. Поймите и Вы наши там, где сможете, помогите. Viribus unitis (соединенными силами) — к осуществлению общих идеалов!*)

Инж. А. Климович.

Високоповажний Пане Редакторе!

Непередбачені події, що сьогодні сталися (10-ХІІ), не дали мені можливості провести ювілейний вечір з Вами і Вашими, та і моїми однодумцями. Досить давно я переконався і теоретично і практично (коли ще та м, дома працював на межах з Доном, чи то одпочивав в літі на Чорному морі), що та ходяча оцінка козаків, що завжди ставала на перешкоді зближення між нами, українцями, та вами, козаками, була і неправдивою і несправедливою.

Ми вже однаково з Вами переконались, що між Марковим ІІ, Мілюковим, Керенським, Абрамовичем, Троцьким, Сталінін і ин. для нас різниці немає. Можуть бути у них різні методи „удушення“, але щоби можна було і нас і вас душити — вони „єдиного фронту“ не зламують.

Оскільки ще і серед нас де-хто, що торкається козачого питання, не звільнився від „російської інтелігентщини“, може бути доказом тому один факт з р. 1918, коли я з Харькова звязувався з Доном (після повстання проти гетьмана): за це мене і покійного Балбачана обвинувачували (і то наші державні мужі!) в зраді! Думаю, що сьогодні вже серед українців не знайдеться таких „голов“, які б не переконались, що майбутнє наше звязано з Вами, з Вашим Союзом і з ідеєю спілки народів південного сходу бувшої Р. Імперії.

*) О т р е д. Оригинал писан по Бесорусски.

Практично ж переконався я, що ми з Вами мусимо працювати вмісті, теж коли виконував доручення нашої Директорії в 1919 р., яке торкалося координації з Доном спільного наступу проти большевиків, і якому перешкодили денікінці і їхні прибічники із донців (як от Харламов). Мушу зауважити, що ще в ті часи на Дону як раз ми зустріли багато прихильників до порозуміння. Тоді навіть не був так гостро проти нас і Д. Отаман Богаєвський.

Так само давно вже я переконався, що і ми, українці, і ви, козаки, — ми мусимо координувати і свою політику зовнішню та звільнити її від будь яких російських впливів.

В 1920 р. я мав нагоду заманіфестувати своє відношення до козаків підписом відомого порозуміння між Кубанським Урядом і Урядом України. Чорнотку того порозуміння я і зараз маю в своєму архіві.

От же, В. шановний п. Редакторе, прийміть від мене привітання і найщиріший вислів мого прихильного відношення до Вашої обопільно корисної праці. Сподіваюсь, що ця праця прискорить поворот до дому, — а нам — по дорозі!

З правдивою пошаною,
проф. інж. С. Тимошенко.

По случаю годовщины выхода в свет уважаемого Вашего журнала „Вольное Казачество“, выражаем искреннюю благодарность инициаторам его возникновения, положившим славное начало вольным казачьим идеям.

Желаем, чтобы и в будущем вольный казачий голос разливался своим авторитетным голосом по всем весям и городам чужой заграницы, где живут вольные казаки, ибо он их подбадривает в их тяжелом изгнании и родит в них светлую надежду на их будущее.

Да здравствует славное Казачество и да здравствует вольный его печатный орган „Вольное Казачество“!

В. Петров (Румыния).

От всей души приветствую редакцию и сотрудников дорогого нам, казакам, журнала и желаю успеха в дальнейшей борьбе за высшее благо человека — свободу.

С. Макеев (Франция).

... Бажаю Вашому ділу та праці як найкращих успіхів.

З правдивим поваженням
проф. Д-р В. Сімович.

От души поздравляю Вас с годовщиной журнала „В. К.“! Желаю успеха и сил в Вашей трудной, для многих непонятной и зачастую неблагодарной работе...

Верю, что и в будущем руки Ваши, при нашей поддержке, не устанут нести попрежнему знамя, развернутое во имя родимого Казачества год тому назад... Семья, брошенное Вами, уже дает плоды. Идея Казачьей Державы все крепнет среди казаков...

Г. Б. [Братислава].

Вітаю Вас і Ваших співробітників з приводу першої річниці журналу „Вільне Козацтво“ і бажаю всього найліпшого в майбутній праці на користь Козацтва.

З пошаною до Вас,
студ. гідрот. Ф. Бігдай.

Хвальна Редакціє! Дякую сердечно за ваше ласкаве запрошення на редакційний чай і жалкую щиро, що не можу Вам особисто висловити моє привітання. Прошу вірити, що в моїй особі маєте переконаного прихильника Ваших гасел. Я глибоко вірю, що в їх здійсненні лежить не лише доля України та Козацтва, але рішення цілого problemu Сходу Європи. Крім того, я вірю в наявність Козацької нації від Карпат і по Кавказ, — ходить лише о державно-політичне оформлення цього факту. Майте певність, що в Українському наці-

оналізмі знайдете найбільше порозуміння і підтримку доброї Вам справи.

З правдивою пошаною,
Дм. Андрієвський.

Вольные Казаки Югославии приветствуют журнал „Вольное Казачество“ с годовым юбилеем и желают редакции его и всем сотрудникам сил и здоровья в дорогом всем нам деле восстановления Казачьих Краев.

Приглашения Ваши получили и 10 декабря было нашим общим праздником.

Дай, Бог, Вам успеха!
В. К. Югославии [Белград].

Поздравляю Вас и всех сотрудников с годовщиной существования нашего правдивого и очень симпатичного казачьего журнала „В. К.“ и желаю последнему наилучшего дальнейшего процветания и самого широкого распространения, а всем его культурным труженикам крепких сил и доброго здоровья!

Сегодня, 10 декабря, получил Ваше любезное приглашение на редакционный чай и весь этот день, а в особенности вечер, душой и сердцем находилась среди Вас, дорогие друзья и соратники, участвуя мысленно и и сердечно в Вашем скромном торжестве и радуясь Вашей радостью.

Мартин Забигаило [Югосл.].

Д-р С. Федоров.

Анкета о Казачестве.

VII.

Вопросом самостоятельности специально занимаются девять казачьих авторов, начиная от мечтающих о скипетре российском — г. г. Бигаев, Скачков, Добрынин, через „демократов“, предпочитающих цилиндр короне на голове Новой России — г. г. Марков, Воротынский, Горчуков, вплоть до новоявленного „непротивленца“ звездоносной Триэссерии Гребенникова.

Всем им, „ушибленным“ блеском и славой России старой, иначе и не представляется казачество, как под твердой рукой „хозяина“ — со скипетром, тростью ли увесистой президента, или кнутом краснотельного „плантатора“ казачьих колоний.

О самостоятельной казачьей жизни они и мечтают не осмеливаются.

Безнадежность казачьего положения и готовность вечно служить в роли сторожевой собаки, перегоняемой, куда укажет воля хозяина, проявляется наиболее ярко у Грызова (ст. 151), сибиряка-автономиста, по своему „служилому духу“ уверенного, что казаки-сибиряки „ни отделяться, ни воевать за свою казачью самостоятельность не могут и, ясно, не будут“ ... „желающие сохранить свое казачье положение могут уходить на новые места, — свободные... Государство отведет такие...“

Роль „вечного жиды“, обреченного на вечное скитание — поистине печальная роль Казачества в Новой России, так не согласующаяся с приводимым Грызовым казачьим „не удержался за гриву, за хвост не удержишься...“ (ст. 142). И раз „казаки — первобытные государственники“, то, конечно, и сибирякам надо строить свою казачью государственность, а не хвататься за хвосты российских автономий.

И другой сибиряк, енисеец Окулич, правильно ставит вопрос: „Если казакам не удастся территориально обособиться, они не возродятся, как целое, будут поглощены крестьянством“ — (239 ст.). История енисейского Войска, „упраздненного“ царской властью и восстановленного казаками в 1917 г., весьма поучительна.

„Енисейское Войско, активный участник присоединения Восточной Сибири, ныне почти уничтожено. Многие станции... большевиками сожжены, мужское население перебито в период 1919—1920 г. г. Не лучше в Семиречье, где ошибочная, враждебная коренному населению (казакам и киргизам) политика переселения

крестьян... в район казачьего землепользования, — породила сильнейший антагонизм между крестьянами-переселенцами с одной стороны, и казаками и киргизами, с другой. Так-же сибирцам, сжатым ныне на узкой полосе казачьей Прииртышской линии“ (ст. 238).

Енисейское Войско как бы чувствовало свою гибель от „братского“ народа русского, когда, после первого свержения большевизма, серьезно обсуждало вопрос об усилении себя принятием в Войско кочевников хаккасов, подобно калмыкам и донцам, сжившимися веками с енисейцами; тогда же Войско думало и о другом решении — уходе, из тесных объятий российского „брата“, всем Войском в Урянханский край, на границы Монголии.

Так думает и Окулич, предполагая, что „Старое Енисейское Войско может еще возродиться и „продолжать выполнять свою историческую миссию...“

Но мы убеждены, что „историческая миссия“ погубит енисейцев и на новом месте и, конечно, не борьба с монгольскими соседями из-за российских интересов, а объединение с ними в один общий Государственный Союз может сохранить и сибирское Казачество.

Раз енисейцы имели в виду принять хаккасов в Войско — надо это осуществить, осуществили же астраханцы принятие калмыков.

Вот и Грызов свидетельствует: „Как курьез, по теперешнему, а тогда казалось реальным, нужным, — причисление к казачьим Войскам — Уральских башкир, через их представителей, докатившихся до Читы: Башкирское казачье Войско“.

В то, что в свое время сибиряки считали реальным, нужным, — конечно, не курьез, а жизненная необходимость Казачества. Нужны и Башкирское казачество, и Калмыцкое и Киргизское, а их государственные образования, — как равные штаты одной „Казакии“.

Мы твердо уверены, что у Казачества славянского корня более общего по духу с казачеством калмыцким, с башкирами, киргизами, горцами и иными вольными народами, чем с российским крестьянством.

И когда сибирская безнадежность не видит иного исхода, как заселение казачеством новых земель, то уже полной утратой веры в силы казачества донского звучат слова Туроверова (стр. 292), предлагающего „покинув Дон, создавать свое четвертое Войско уже не

на Дону. Направление исхода остается одним — на Восток, в Сибирь⁴.

Туроверова пугает вопрос крестьянский — „перевести же их всех в казачье сословие равносильно переходу всех казаков в донское крестьянство“.

Увы! это мудрое решение было бы не так страшно: донское крестьянство почти поголовно украинского происхождения. Исторически донское казачество впитало в себя много украинства, а сама Украина, растворившись в себе 60-ти тысячное реестровое казачество и остатки казаков вольных — балыховских, запорожских и их потомков буджацких, азовских, екатеринославских — оказавшись.

И если горсточка казачества сумела привить казачью психологию многомиллионной украинской массе, то, конечно же, и теперь не раскажутся донцы, а окажутся их крестьяне, и будет единое Великое Войско Донское, в котором „мираж Москвы“ не будет иметь уже никакого отражения.

Б. Кубанский Атаман Филимонов тоже „не сомневается“ (ст. 321), что, если казакам „не удастся восстановить казачью жизнь... то неизбежной появится неудержимая тяга на окраины... и в ближайшие же годы эти окраины обростут толстой и твердой корой Казачества.“

И вот, когда мы слышим такие нотки пессимизма даже от людей беззаветно преданных Новой и Старой России, мы еще больше должны утверждаться в решении до конца сил своих бороться за воссоздание своей казачьей государственности для того, чтобы мы, коренные обыватели родных земель, не бросали веками нажитую кровью и прахом наших братьев, отцов, дедов и прадедов Землю Казачью и не уходили на чужие нам окраины.

Если кому уже и надо уходить с наших Земель, то тем, кто не хочет быть их гражданином, а только прикащиком „хозяина“, как это предлагает ген. Кокунько (стр. 196).

Но такие же „крутые“ меры по отношению не принятых в казаки предлагает и терец Писаренко (стр. 254).

Писаренко часто употребляет, как антитезу, „казачьему“ — „русское“, и это ни что иное, как проявление внутреннего негативизма к русскому вообще, антагонизма казачьего, которого, конечно, не вынесет и не простит „русский барин“ наивным автономистам, воображающим, что Россия — Москва будет мириться с каким либо утиском господствующей нации на казачьих автономных землях.

И если „пришла „всенародная“ власть большевиков и русский хам, в обнимку с босяком и каторжником, ввалился в казачью хату“ (стр. 242), то он не выберется из нее добровольно и после падения большевиков.

Оптимисту Писаренко не достает только последовательности: раз при „всероссийском углублении революции и национальном самоопределении („без права на него одних казаков“) (стр. 241) было проявлено русским народом“, желание удушить казачество“ (ст. 252), раз „казачество есть самостоятельная идея общественного устройства“ (ст. 248) „которое придает казачьей породе людей свойства, как бы особой, производной национальности, отличающей казака от прочего населения России“ (ст. 244), то и надо искать будущего Казачества не в автономиях российских, а в суверенном праве строительства своей жизни.

Подобных проявлений своеобразного антагонизма мы встречаем на страницах Сборника немало: донец Зенков (ст. 185), автономист и противник самостоятельности, Карташев (ст. 187), донец „самоуправленец“, приводящий примеры донской самобытности. Донец Буданов (ст. 99), пишущий о том, что „слиться с великороссами, которых казаки называют „русскими“, усвоить их быт, их психологию казаки не могут и что они культурнее крестьян“. Или „вольник“, донец Короченцев (ст. 204), протестующий против „умаления своего достоинства старой сказкой о происхождении от московских отбросов“ и говорящий о Матери-России „часто относившейся к ним (казакам), как к пасынкам“ и преданности России у казачества ... но не безграничной“.

Вообще что что, но отстаивание донцами своего происхождения „не от отбросов“ и бытие их на берегах

Дона еще до Куликовской битвы отстаивается решительно.

Как результат такого природного российско-московского и казачьего антагонизма является уже искание „казачьей правды“.

Нужен был только толчок и вчерашние российские федералисты стали сразу Вольными Казаками: уже в момент ответа на Анкету С. Макеев допускает для казачества определение „нации“ (ст. 216), а донец Кудиннов „режет“ правду матку в самые глаза.

Говорит он и о пустоте на страницах трудов историков, о недоговоренности там, где дело касалось происхождения казачества, трактует о нем как об „обособленной народности“ и прямо называет „ложью“ и „боярской провокацией“ учение о происхождении казаков на Дону от беглых и рабов. „Все беглые из Руси, осевшие на Дону, и доселе сохранили свою прирожденную особенную рельефность жизни, в отличие от жизни казаков“ (ст. 210).

„Мудрое учение“ российских историков, „воплотившееся в плоть и кровь боярских деток и крестьян“, ведет только к порабощению Казачества.

Автор тогда уже пишет о „неотъемлемом праве (казачества) на самостоятельное существование в совокупности или вернее, входящим в состав Демократической Федеративной Российской республики.“

... решительно не согласен, что казачество не может существовать самостоятельно от России, как это пишет В. А. Харламов. Может! Как существует всякое маленькое государство, например, Болгария. Казачество, как самостоятельное государство, может существовать так же, как и раньше, при самодержавии, но может жить далеко лучше“ (стр. 214).

И не только этот герой Дона, но и другой славный борец за его свободу, ген. М. А. Фетисов, также решителен в своих выводах и заключениях. Говорит он так, как будто говорит со страниц „Вольного Казачества“.

Его выводы — исходят из преданий „своих людей, истинных казаков, которые жили воспоминаниями о старом величии казачества и его вольностях“...

„Их думы, их желания исполнились в феврале 1917 г., так они говорили, собравшись на Войсковой Круг весной 1917 г.“

Они думали, что начинается жизнь новая, что они будут жить по своему казачьему укладу независимо от Москвы, без всякой московской указки высказывать свою волю и проявлять свои желания. (Я как счастливый член 1-го Войск. Круга и 1-го Казачьего съезда в СПб)“.

Основаваясь на голосе народа, автор решительно заявляет: „Казачество в будущем должно существовать во всем самостоятельно, имея своего представителя в Москве. Вообще казачество на будущую Россию смотрит, как на федеративную. Будет-ли монарх, будет-ли это республика — Россия единая неделимая“ в будущем невозможно“.

Подобное свидетельство не одиноко: Б. Н. Уланов (ст. 301) говорит, что „во всех случаях деятельности Дон. В. Круга, касавшихся всех вопросов жизни Войска, ни у кого также не являлось мысли о возможности какой то санкции законодательных и иных важных актов Вр. Правительством, или иным российским высшим органом“.

Донцы с первых шагов революции решали свою судьбу самостоятельно, а в разгар ее „Донской Атаман Каледин и его Правительство объявили себя суверенной властью на территории Донобласти, а последнюю независимым государственным образованием. ... Круг утвердил решения своего Атамана и Правительства.“

А что такое был Войсковой Круг? — свободные избранные всего Донского Казачества в лице его 135 станиц. Избиратель и избирательница вольны в своей воле...“ (ст. 295).

Аналогичное положение было и на Кубани. Предпосылки к такому проявлению воли казачества к самостоятельному разрешению судеб своей жизни

автор усматривает в самой сути казачьего духа, выковавшегося веками и создавшего особый казачий мир, противоположный миру общероссийскому.

Казачья самостийность есть, по его мнению, логический вывод из создавшегося положения.

Казачество „несомненно отлично во всех отношениях от русского народа“, а „этнографическая общность (его) с русским народом, не есть обязательное условие для невольной, порабощающей государственной общности“ (стр. 305).

В противовес всей нашей „харламовщине“, старающейся убеждать казачество, что оно не боролось с Россией за свою самостоятельность в 1918—20 г. г., Уланов свидетельствует прямо: „все деятели и целые казачьи области годы боролись с государственной властью того географического, социального и этнографического комплекса, который... именовался и именуется Россией“.

„Шила в мешке не утаишь“, и, конечно, все „русские“ права, когда подозревают все казачество, огулом, в самостийничестве; только мы, В. Казаки, не таимся с ним, а казачья братия старается соблюсти потерянную в 1917—20 г. г. „невинность“.

Свидетельство не самостийника Уланова особенно ценно для Казачества.

Если бы за его оптимизмом шли все остальные благоразумно мыслящие казаки, дело Казачье было бы сделано — воспрятие самостийности, как „метода“, или „тактики“, (стр. 307) неизбежно привело бы к утверждению самостийничества, как жизненной необходимости Казачьих Краев.

Самостийность есть неизбежный вывод из чаяний строить свою жизнь на „казачьем праве“, а вера в это право сплавляет всех казаков поголовно в одну психически общую казачью массу.

Попытка проанализировать казачье право и поставить его в основу будущего строительства Казачества, в границах России федеративной, проводится ген. Бичераховым. Автор рассматривает Казачество в аспекте трех понятий: „казачье состояние, военно-служилое сословие и казачье право“ (стр. 87).

Первые два положения отбрасываются им бесповоротно, как изжитые и осужденные казачеством; остается только третье — „казачье право“, как особое правовое и социальное состояние.

По мнению автора, при осуществлении этого права „для общегосударственного сожительства казачеству следовало бы установить такую форму, при которой вмешательство центральной власти и великодержавные попытки поглощения со стороны интеллигенции населения б. Московского государства были бы невозможны“ (стр. 88).

Автор видит эту форму в федерации, допуская, что в процессе борьбы „казачество, в частности юго-восточное, может оказаться в условиях возможности и необходимости самостоятельного государственного существования“ (стр. 98).

Ему, имевшему непосредственное соприкосновение с европейской политикой Кавказа и Казачества, ясно, что процесс оздоровления частей б. Рос. Империи может идти только с окраин и со стороны помощи, и это самый реальный ход событий: „прямые вооруженные действия“ против коммунистической власти „неизбежны“ (стр. 93).

Мысль свою он сводит к следующему: — казачеству надо бороться и осуществлять казачье право... при условии полного поравнения с не-казачим населением областей. ... установить жизнь, устраняющую причины для вражды и исключающую необходимость наличия чужих гарнизонов“. ... Отмечена также возможность случая независимого государственного существования, которое может быть „временным, а м. б. и длительным“ (стр. 94).

Итак, русофилы-федералисты не закрывают себе глаз перед опасностью московских аппетитов.

Великороссийско-московский негативизм к Казачеству отмечает и М. А. Поликарпов (стр. 259), предостерегающий от рецептов писателя Чирикова, т. к. „в попытке убить казачество может постигнуть смерть и Россию“.

И психология самостийнического движения в казачестве понимается им как реакция „вызванная травлей на казачество из недр великорусского державного фашизма и замалчивание демократией и социалистами казачьего вопроса“.

И психология самостийнического движения в казачестве понимается им как реакция „вызванная травлей на казачество из недр великорусского державного фашизма и замалчивание демократией и социалистами казачьего вопроса“.

В результате „Казачество может разрешить накопленный вопрос раздела России. На чьей стороне будет Казачество в неминуемом столкновении Киева с Москвой, там будет победа...“

Он ищет выхода в болючем для себя вопросе интересным разрешением проблемы:

„Великоросс, малоросс и казак... суть три ответвления русского племени“... (стр. 257).

„Русская история шла по треугольнику — Киев, Москва, Петербург. Теперь идет обратно — Петербург, Москва. Спасение в Киеве. Перенесите туда столицу, и сепаратизм падет. Не хотите? Знаю: умрете, а не уступите. Так пала и корона Николая II.“

... Казачество, Украина и Москва — Единая Россия, из трех родных, равноправных братьев.

Не надо жить для племени Русь — нужно для России...

На великодержавности Россия погибнет; нужно сотрудничество ее народов.

Будущее казачества — в перемене великорусской державной психологии.

Если этого не случится, тогда самостийники правы“ (стр. 260).

Позволим себе исправить терминологическую ошибку автора: именно надо было жить для племени Русь, а не для России.

Киев был исторической Русью, но не Россией, историческая азовско-черноморская Русь — казачество, Москва — не Русь, хотя и стала впоследствии Русью московской.

Россия начала быть от Петра, до него были лишь Руси.

Московское великодержавие сделало то, что Украина отказалась от своего исторического имени Русь; азовско-черноморская Русь приобрела новое имя — Казачество.

Смысл жития для Руси триединой, вернее четверной — еще Русь Белая, отпал — разбило его московское великодержавие, ставшее синонимом России.

И тем не менее и Украина и Казачество в 1917 г. сделали попытку сожительства равноправия; „великий“ брат Москва ее отвергал и отверг.

Самостийники оказались правы — великорусский народ скорее умрет, чем возвратит Киеву похищенный престол Русн.

Украинцы и казаки самостийники никаких иллюзий себе в этом не делают — „нужно всю Россию приподнять до Казачества, говорит автор, (стр. 257). — Великороссию не оказчишь, и Казачеству по пути только с духовно давно оказаченным народом украинским, его естественным союзником.

Но великороссы не захотят умирать „Киевской смертью“, а „казаки не помирятся с московскими великодержавными приемами, „в этом случае, в конце концов, можно ожидать даже отделения казаков от России“, пишет ген. Черячукин (стр. 338), б. посол Дона на Украине.

„При общей спайке и союзе с Кубанцами, Терцами, Оренбуржцами и Астраханцами, а, м. б., и с малороссами (Украинцами), при общности интересов и характерных национальных чертах, при богатстве Юго-Востока, Кавказа и Украины, такой союз может представить грозную силу, с которой не справиться расшатанной большевизмом России“ (стр. 339).

„Лишенная хлеба, сахара, угля, нефти и соли“, про-должает автор, „интернациональная Россия должна будет уступить.

Я предвижу такой союз в начале на правах феде-

рации, с широкой автономией для каждого Казачества. Образование такого союза намечалось еще в период революции, и если бы это было осуществлено, вряд ли господство большевиков продолжалось бы так долго.

— Если бы казачество не было отуманено мира-

жем б. Российской Империи, а смотрело бы на „казачье право“ и на взаимоотношения с соседями так, как смотрят лица, упомянутые в этой главе, будущее Казачества было бы обеспечено: *jus cosacorum, lex cosacorum, res cosacorum* — казачье право, казачий закон, казачье дело — Казачья Держава.

*****

О. Долинский.

По поводу десятилетия Чехословацкой республики.

IV.

В октябре месяце 1918 г. началась агония австро-венгерской империи. Центральный блок в военном отношении был поражен на южном фронте капитуляцией Болгарии. Западный фронт Германии незадолго развалился под натиском союзников. Дипломатические переговоры Вены с Вильсоном кончались полной неудачей. Все попытки Австро-Венгрии в последнюю минуту помириться со своими „инородцами“ и окраинами на почве полной федералистической перестройки этого государства, — встречали, со стороны этих последних, категорический отказ и нежелание вступать по этому поводу в какие-бы то ни было переговоры..

В этом отношении было полное согласие между домашней „инородческой“ ирредентой и зарубежной революционной эмиграцией.

Мы уже говорили здесь о том, что 14 октября одновременно независимость Чехословакии была признана Антантой. 18 октября Вашингтонская декларация, поданная проф. Масариком президенту Вильсону — была формальным провозглашением государственной самостоятельности Чехословакии.

Словом, к концу октября развал Австро-Венгрии — совершался с непредполагавшейся быстротой и неизбежностью. 24 и 25 октября чешская делегация из Праги — отправилась в Женеву для свидания с представителями ч.-сл. революционной эмиграции с целью договориться с нею относительно тактики и техники осуществления государственной независимости.

Пока она доехала до Швейцарии, в Праге 28 октября совершился бескровный государственный переворот, ликвидировавший почти 300 летнее габсбургское господство над ч.-сл. землями и провозгласивший независимость Чехословацкого государства.

Как мы знаем, этот переворот подготовлялся специально Ч. С. Н. К. — уже с лета 1918 г. Но готовился он на весну 1919 г., когда, по вероятным предположениям, должен был развалиться блок центральных государств.

Тем более приходится удивляться тому, что, состоявшийся „преждевременно“, октябрьский переворот в Чехословакии — был совершен благополучно и очень удачно, что свидетельствует о великолепной и до деталей продуманной его программе и технической подготовке.

В течение первого же дня переворота, главные правительственные учреждения Праги были захвачены местным революционным комитетом. Одновременно были приняты меры для предупреждения каких-либо военных эксцессов со стороны низложенного правительства. Вечером 28 октября был опубликован первый закон, констатирующий совершившийся факт возникновения самостоятельного ч.-сл. государства.

29 октября утром вся Прага была покрыта плакатами с текстом первого революционного манифеста к народу, где говорилось, между прочим: „твоя исконная мечта осуществилась. Чехословацкое государство с сегодняшнего дня вступило в ряды независимых культурных государств мира“.

Благодаря прекрасной подготовке, революционный переворот в Праге почти с телеграфной быстротой распространился по всей ч.-сл. территории. Еще в течение первого же дня он был совершен так же гладко почти во всех важнейших городах Чехии. 29 октября

революционная волна перекачилась на Мораву, где государственный переворот проходил тоже беспрепятственно, начиная с моравской столицы — Брна.

Словакия присоединилась к чешской революции 30 октября.

Под непосредственным впечатлением революционных событий в Праге, состоялось 29 октября словацкое национальное вече в культурной столице Словакии — Турчанском св. Мартине, — принявшее известную Мартинскую декларацию, в которой словаки заявили о своем разрыве с Венгрией и о своей солидарности с лозунгами и требованиями ч.-сл. революционного движения. Мартинская декларация была встречена в Словакии с всеобщим признанием. Чтобы гарантировать Словакию от нападения со стороны Венгрии, с 4 ноября ч.-сл. правительство послало воинские части для защиты этой территории, которая через несколько месяцев все же должна была стать театром первой войны молодой республики с большевицкою Мадьярией.

Хуже дело обстояло с экономически и социально сильным немецким элементом в пределах ч.-сл. государства. Понятно, что здешние немцы не хотели признавать над собою суверенитета молодой Ч.С.Р. Благодаря активному их протесту произошли задержки с распространением чешского государственного переворота в т. наз. „Deutschboehmen'e“, для которого немцы требовали права на политическое самоопределение, желая соединиться с австрийскою республикою. Немцы моравские и силезские тоже требовали для себя права на самоопределение, проектируя организацию отдельной немецкой области, т. наз. „Sudeteland'a“. В общем, из Ч.С.Р. предполагалось таким образом выкроить довольно значительную территорию (26,000 km²) с более чем 3 мил. населением. Все попытки чешско-немецкого соглашения по этому поводу были безуспешны. Немцы захватили порядком осуществляли отделение своих двух названных областей. Понятно, Вена покровительствовала чешским немцам. В течение ноября и половины декабря положение оставалось напряженным и угрожало возможностью военного конфликта. Вмешательством Франции 21 декабря 1918 г., заявившей, что, до окончательного решения вопроса мировой конференцией — Ч.С.Р. имеет право государственного суверенитета на всю свою территорию в исторических пределах, — формально ликвидировался этот конфликт.

С декабря ч.-сл. правительство начало военную оккупацию „Deutschboehmen'a“ и „Sudeteland'a“, благополучно закончив ее 18 декабря.

Другой территориальный конфликт возник с поляками из-за т. наз. Тешинской Силезии. Этот вопрос окончательно был решен разделением спорной территории между обоими заинтересованными государствами в 1920 г.

Таким образом, несмотря на внешние препятствия и трения, в течение двух месяцев молодая Ч.С.Р. — сумела организовать административно-территориально, наладивши за это время свой государственный аппарат.

К приезду своего первого президента проф. Т. Г. Масарика (21 декабря 1918 г.) — устои ч.-сл. государства в общем уже были закреплены, и началась горячая работа по внутреннему утверждению молодой республики.

Был закончен период революции, и наступал период страдной созидательной деятельности.

V.

Фактически революционный период ч.-сл. освободительной борьбы закончился 14 ноября 1918, когда состоялось первое заседание Учредительного Собрания, в котором были представлены Чехи и Словаки.

На этом заседании официально была низложена династия Габсбургов и провозглашена самостоятельность Ч. С. Р., первым президентом которой единогласно был избран вождь революционной эмиграции, проф. Т. Г. Масарик.

Территориальные границы новой республики были установлены мировой конференцией, в которой она приняла участие, будучи официальным ее членом. Окончательно этот вопрос был решен в августе 1920 г.

К этому времени юное ч.-сл. государство прожило уже не мало тяжелых событий и имело за собою достаточно созидательной работы.

Мы в беглом очерке ознакомимся теперь с ее итогами, свидетельствующими о жизнеспособности этого молодого государства.

Напомним снова, что Ч. С. Р. — с самого начала очутилась в этом отношении в довольно тяжелом положении. Ее ближайšie и непосредственные соседи были явно враждебны (Венгрия, Австрия),

уже в первый же год своего существования (летом 1919 г.) — Ч. С. Р. — должна была воевать против красной Венгрии, претендовавшей на Словакию и Подкарпатскую Русь. В конце 1920 г. ей угрожала большевицкая опасность (декабрьский коммунистический пуч). Немецкий ирредентизм и сепаратизм словацких клерикалов — в течении нескольких лет поддерживали внутреннее политическое напряжение в Ч. С. Р.

Не смотря на все это, молодое ч.-сл. государство сразу же приступило, как к своему внутреннему, так и внешнему укреплению.

Особенное внимание было обращено на решение финансового, аграрного и социального вопросов.

В лице покойного министра финансов Рашина — Ч. С. Р. нашла своего доброго гения. Его радикальные мероприятия с целью финансового оздоровления молодого государства — спасло Ч. С. Р. перед валютными кризисами à la Австрия, или Германия. Преемнику этого творца финансовой реформы в Ч. С. Р. проф. Энглишу — удалось уже в 1921 г. достигнуть бюджетного равновесия. Таким образом, Ч. С. Р. стала одним из немногих государств с бездефицитным бюджетом и с прекрасною финансовою репутациею за рубежом.

Первое всенациональное коалиционное правительство с д-ром Крамаржем во главе продержалось до весны 1919 г., когда оно сменено было т. нз. „красно-зеленою“ коалициею, (т.-е., социалистическо-аграрным союзом).

Если первое правительство провело ряд мероприятий демократического содержания, подготовляя грядущие социальные реформы, то его преемнику пришлось как раз предпринять осуществление этих реформ, а прежде всего земельной.

В наследствие от Австро-Венгрии, молодая Ч. С. Р. получила огромные помещичьи латифундии и многочисленные классы безземельных крестьян. Латифундии были забраны в государственный фонд. Весенним законом 1919 г. были положены основы под земельную реформу, радикально задуманную по сути и эволюционным путем осуществляемую.

Земельная эта реформа установила нормы землевладения (от 150 до 250 гектаров), конфисковала и реквизировала династические поместья и большие латифундии. Одновременно эта реформа предусматривает кредит и защиту малоземельных, особенно мелких, арендаторов. Для осуществления аграрной реформы было основано специальное государств. управление по земельным делам.

К концу 1921 г. в распоряжении этого управления было около 4-х миллионов гектаров земли, т. е., приблизительно около 75% всего предполагаемого земель-

ного фонда. В то же время было уже распределено среди безземельного крестьянства более 200.000 гектаров земли.

Из политических актов этого периода приходится отметить принятие конституции Ч. С. Р. (29-И 1920 г.), — по содержанию одной из наиболее демократических в современной Европе и выдержанной в духе чистого современного парламентаризма.

Весною 1920 г. состоялись в Ч. С. Р. — парламентские и сенатские выборы. Они интересны в том отношении, что в них принимали участие немцы (получили 25,6% всех голосов) и что они принесли победу социалистическим партиям.

Таким образом, ч.-сл. Учредительное собрание было сменено нормальным выборным парламентом. Осенью этого года ликвидируется красно-зеленая коалиция.

Только осенью 1922 г. лидеру аграриев — А. Швеле — удалось восстановить всенациональную коалицию, благодаря чему Ч. С. Р. могла более спокойно заняться внутренне-созидательною работою. Из государственных актов этого периода следует отметить закон о ч.-сл. Национальном Банке и особенно о социальном обеспечении (в октябре 1924 г.).

Вследствие внутренних междупартийных трений и конфликтов, осенью 1925 г. эта всенациональная коалиция распалась, благодаря выходу из нее с. д. партии.

Результатом этого кризиса были преждевременные парламентские выборы (в ноябре 1925 г.), давшие на этот раз перевес буржуазным партиям (получили в общем 60,56% всех голосов) над социалистическими (39,44%). Для социалистического лагеря вообще, а в частности для с. д. партии, печальным было то обстоятельство, что на этих выборах большую победу одержала недавно основанная ч.-сл. коммунистическая партия, явно антигосударственная, но политически вполне бессильная.

Эти парламентские выборы были поворотной точкою в истории молодого ч.-сл. государства. С этого момента юная Ч. С. Р. окончательно порывает со своими революционными традициями, что особенно чувствуется на дальших судьбах ее социальной и экономической политики.

Плюсом этой новой фазы в политической истории Ч. С. Р. безусловно приходится считать привлечение к государственному сотрудничеству — с одной стороны немецких буржуазных партий, т. нз. „активистов“, а с другой — и быв. завязтых словацких „сепаратистов“, т. е. клерикальных „людовцев“.

Таким образом, два года тому назад могла образоваться новая чехословацко-немецкая коалиция буржуазных партий, в руках которой находятся бразды правления и по сию пору. Как показали последние земские выборы в Ч. С. Р. (2 декабря), — эта коалиция, повидимому, продержится еще долго, несмотря на некоторое усиление голосов социалистических партий.

Нельзя не отметить здесь ту колоссальную работу, которая была сделана Ч. С. Р. в области культурной и особенно в школьном деле. В этом отношении на первом месте приходится упомянуть Словакию, где до войны словацких школ не было вообще, а теперь их более 3000. Распространение библиотек, общеобразовательных лекций и курсов для народа — прекрасно свидетельствуют о том, что в чешском народе не забыты заветы великого педагога и патрона А. Коменского. Следует напомнить тоже, что за это время были основаны в Ч. С. Р. — два новых университета: на Мораве (Брно) и в Словакии (Братислава).

Прекрасно Чехословакия справилась и с другими двумя не легкими вопросами, как это недавно было констатировано президентом Ч. С. Р. в его беседе с американским журналистом, т. е., с военным и дипломатическим корпусом.

Благодаря кадрам легионеров, счастливо вернувшихся на родину, совершивши кругосветное плавание, удалось организовать хорошую ч.-сл. армию.

Ч. С. Р. располагает теперь собственным дипломатическим корпусом в составе 2000 человек. Этот молодой корпус дипломатов, созданный без традиций и собственными силами „работает, по словам президента

Масарика, — как хороший часовой механизм.“

Еще одно интересное обстоятельство нельзя обойти молчанием. Отделяясь от Австро-Венгрии — по мнению экономистов — ультра промышленная Чехословакия совершила хозяйственное самоубийство. Действительно, сначала положение ее в этом отношении было весьма тяжелое, но, все-таки, ей удалось постепенно преодолеть даже это наибольшее препятствие и найти выход из своего экономического тупика.

Так, в общих чертах, представляется история образования Чехословакии и беглый обзор итогов ее существования в течении первого десятилетия. Этот период истории Ч. С. Р. нашел блестящую характеристику в юбилейном послании президента Ч. С. Р., выдержкою из какого мы заканчиваем настоящий очерк:

— Десять лет — это очень мало в истории, но много в жизни людей. Когда десять лет тому назад я возвращался в освобожденную республику, я упогребил слово, сорвавшееся у меня прямо с языка: ведь это ск а з к а. Когда теперь я оглядываюсь назад на истекшее первое десятилетие, я снова мог бы сказать: сказка, чудо.

Мы начали с голыми руками: без армии, без государственной традиции, с разваливающейся валютой, при всеобщем упадке дисциплины, с наследием дуализма, с ирредентою в собственных рядах, — среди государств, сотрясаемых слева и справа.

Мы — с незначительными средствами, отвыкли от управления, мало были склонны к повинности и, почти, неизвестны миру. И все-таки мы выдержали этот экзамен и вышли с честью: новому государству мы дали конституцию, организовали администрацию и армию; противодействовали хозяйственному кризису, национальным антагонизмам и международным конфликтам. Наши задачи были более тяжелыми, чем мы это сами сознавали. И все-таки мы создали государство, пользующееся доверием за рубежом и, что еще более важно, — доверием нас самих, всех нас. После этого испытания десяти лет, мы можем спокойно продолжать эту свою творческую политическую работу!!

Р. С. В статье „По поводу десятилетия Ч. С. Р.“ (№ 24 „В. К.“), на стр. 11, правый столбец, 21 строчка снизу, вместо д у а м у а — должно быть д у а л и з м а.

*****

Киянин.

О. Олесь.

(1878—1928).

6-го грудня знаменитому українському поетові Олесеві минуло 50 років. 50 років життя, двадцять п'ять років творчості, ріжноманітної, бурхливої, невпинної і невянучої.

Раділо сонце, ниви, луки...
І я не виніс щастя-муки,
І задзвеніли в серці звуки,
І розітнувсь мій перший спів.

Але лише в дитинстві довелося поетові бачити навколо себе радість. Яка могла бути радість, коли Батьківщина в московських кайданах, Україна в московських кайданах, Україна в московській тюрмі...

Поет живе єдиною надією, єдиною мрією про визволення України, про повстання українців проти чужинського панування:

Вірю я, що обороне,
Сам себе мій Край...
О, мій велетню — Самсоне,
Пути розривай!!!

Поет благає весну не пишати квітками, бо бачить неминучість дня українського гніву, української карі:

Ой, не квіти, весно, пишними квітками,
Бо народ мій встане,
Розібе кайдани,
Вкриє світ димами,
А поля тілами.

На початку біжучого століття стан української національної справи був невідрадний. Поет висловив це у чулих патріотичних віршах:

Для всіх ти мертва і смішна,
Для всіх ти бідна і нещасна,
Моя Україно прекрасна,
Пісень і волі сторона.

Поглянь: народ твій — раб з рабів,
Чужими й рідними забутий,
Гниє віки в недоли лютій
І віру в долю загубив.

О, дух України! орел!
Дух вільний, сміливий, високий,
Злети, стурбуй цей мертвий спокій
І влий життя з своїх джерел.

Часом, в хвилини національного піднесення і перемог, здавалося, що Україну збуджено.

Яка краса: відродження країни!
Ще рік, ще день тому тут ллявся плач рабів,

Мовчали десь святі під попелом руїни,
І журно дзвін старий по мертвому гудів.
Коли відкільсь повстала міць шалена,
Як буря все живе схопила, пройняла, —
І ось, — дивись, — в руках замаяли знамена,
Гімн перемог співа невільна сторона.

Але вітер, що знезацька здійнявся, втихає знову.
І знову тиша руїн і смерті.

Єдиний вартовий, незмінний і незрадливий, — Слово, — те Слово, яке колись найбільший український співець Шевченко, поставив на варті біля труни України:

... возвеличу
Малих отих рабів німих.
Я на сторожі коло них
Поставлю Слово.

Олесь присвятив цьому вартовому незрівняно Прекрасний твір:

О, слово рідне! Орле скутий!
Чужинцям кинуте на сміх!
Співочий грім батьків моїх,
Дітьми безпам'ятно забутий.

О, слово! Будь мечем моїм!
Ні, сонцем стань! В горі спинися,
Осяй мій край і разлетися
Дощами судними над ним.

Настала світова війна. Українцям довелося битися в цій війні за чужу справу, в рядах двох однаково ворожих і чужих армій — російської та австро-угорської, братові довелося йти проти брата з чужим багнетом у руці. Гірко скаржитися на це Олесь у 1915 р.:

Хвала і честь вам гречкосії!
В холодну зиму на полях
Вас безліч падала в боях
За славу мачухи Росії.

А що як інший час настане,
Коли застогнуть буруни,
І рідна Мати із труни
Рабою-страдницею встане?

Цей інший час швидко настав. Але й у першій осяянній визволення поет тверезо дивиться суворій майбутності в обличчя:

Свято волі. Скрізь бенкети.
Мрій, надій рої. —
Зброю в руки! за мушкети!
Будуть ще бої!

Скільки сонця і блакиті
В небі й на землі!
— Чи рушниці всі набиті?
Гострені шаблі?

І справді — знову настали дні кривавих змагань і кривавих невдач на полях України. В 1919 році поет з сумом стежить за змінним кроком військових подій:

Отступає військо. Поле порожнє,
Важко чорний вечір хмарою спадає,
Зімню, зімню вітер над землею віє,
І кричить і виє і когось шукає.

Ось він зупинився, тіло розкриває,
Кучері шовкові гладить ніжно, ніжно...
Розгортає вії, в очі заглядає
І на грудях тужить жалібно, невітшно...

В роки вигнання не змовк голос поета, хоч —
В вигнанні дні течуть, як сльози,
Думки в вигнанні сплять, як мертві.

Нові сили й нову бадьорість винайшов в собі поет, неважаючи на невимовний сум і распач вигнання:

Хай сивина мій волос вкрила
У серці квітець розцвіта
І на весни прозорих крилах
Мої вертаються літа.

У своїй творчості Олесь був завше поетом національних почувань, горе й радощі України відбивалися

на сторінках його збірок, які стали неоцінним національним скарбом і гордістю українського письменства. Моцартівська легкість і безжурна грація вірша ніколи не зраджували поетові від початків його літературної творчості до цього дня. Все це разом забезпечує нашому ювілянтові почесне місце серед сучасних славянських співців.

Перша збірка творів Олесь вийшла в січні 1907 р. під назвою „З журбою радість обнялась“.

В дальших роках він видав ще кілька збірок, ряд драматичних поем: „Над Дніпром“, „Трагедія серця“, „Тихого вечора“, „Осінь“, „При світі варті“, „По дорозі в казку“ і інші.

Перебуваючи у році 1919 в українських Карпатах, серед поетичного гірського племені Гуцулів, поет створив збірку „На зелених горах“. Несприяті для українського друку еміграційні умови спричинилися до того, що більшість творів Олесь з років 1917 та пізніших ще не дочекалася видання окремими збірками. Останніми роками вийшла в Празі його дитяча казка „Івасик-Телесик“. Ряд останніх його творів друкувався на сторінках „Вільного Козацтва“.

Побажаємо ж поетові ще довгих років творчої праці, та як найскоршого звільнення його коханої Батьківщини, якій він присвятив свої найкращі твори.

Певно віримо в неминуче відродження України, по якій так невимовно сумує на чужині поет-вигнанець.

В ССРСР.

Как это представляют себе товарищи-большевики?

В 284 номере „Правды“ перепечатано очередное „сообщение“ из венской газеты „Абенд“ о противосоветских „кознях“ „петлюровцев“, Польши, Румынии, Чемберлена, Бриана, донцов, кубанцев и кавказцев.

На другой день, в номере 285, „Правда“ этим „интервенционистским замыслом“ посвящает целую большую передовую, из которой приводим некоторые места для характеристики того, как, через какие очки видят „это“ кремлевские владыки:

„Следы антисоветской работы петлюровцев приводят нас не только в Варшаву, но и в Лондон. Когда года два тому назад появились в иностранной печати документы, изобличающие тесную связь петлюровских „министров“ с тогдашним английским послом во Франции Крюю, Чемберлен выступил в Палате Общин с негодующим „опровержением“. Документы, опубликованные ныне в „Абенд“, трактуют уже об „интересе“, который проявляет к договорам, заключенным директорией

украинской республики с грузинами, донцами и кубанцами“, сам Чемберлен. В одном из своих писем Левицкий требует даже, чтобы в Лондон поехал „министр иностранных дел“ Александр Шульгин, с целью убедить Чемберлена, что „союз грузин и казаков с Украиной обеспечивает им национальную независимость“. На языке английского империализма „независимость грузин и казачества, означает, как известно, свободный доступ английского капитала к бакинской, грозненской и майкопской нефти, к донецкому уголю. Левицкий знает, чем прельстит закулисного вдохновителя иностранной политики консервативного кабинета Детердинга.

Конечно, возня украинских белогвардейцев только смешна. Их обещания мобилизовать на украинской территории армию для „сотрудничества“ с поляками и румынами едва ли возбуждают особые надежды у самого Лилсудского, не говоря уже о румынских генералах. Но переписка деятелей украинской „директории“ заставляет нас еще и еще раз вспомнить о необходимости быть готовыми к самым скверным „случайностям“.

Казачья эмиграция.

Общеказачья Студенческая Станица в Ч. С. Р.

17—20 сего декабря исполнилось пять лет со дня организации Общеказачьей Студенческой Станицы в Чехословацкой Республике. К моменту юбилея Станица объединяет, за небольшим исключением, все казачье студенческое движение за границей.

В состав Станицы входят хутора: Пражский, Пршибрамский, Брненский, Братиславский — в Чехословакии, Казачий Студенческий хутор и Крестовоздвиженский хутор — в Болгарии, и Общество Взаимопомощи Студентов Донцев в Париже.

Осторожно казаки студенты подходили к созданию Станицы. 7 января 1921 года, на острове Лемносе, была создана первая студенческая казачья группа (донская) и только 17—20 декабря 1923 года была органи-

зована в г. Праге Станица. 17—20 декабря 1923 г. собрались представители от организаций: Донской Пражской студенческой станицы, Терской Пражской студенческой станицы, от группы кубанцев, от Донского хутора в Брно, от Терской станицы в Брно, от Кубанского Землячества в Брно и от донского хутора в Пршибраме.

На учредительном сборе было единогласно принято решение — создать Общеказачью Студенческую Станицу с хуторами в университетских центрах. Во главе организации — Станичный Сбор, дальше — хуторские сборы, атаманы, помощники, писарь. Все, как дома, все возродилось.

Единая казачья Станица создана и единою она потом выступала во вне.

Прошло пять лет. Далеко еще до совершенства Станице. Много бурь было в ее среде, много их и теперь есть, что делать, казачья кровь — горячая.

Каждый год, на рождественских каникулах, собирается станичный сбор, правда, по понятной причине, из хуторов, находящихся только в Чехословакии.

Есть мысль в этом году созвать полный станичный сбор, из представителей всех хуторов Станицы. Созыв полного станичного сбора вызывается внутренней жизнью Станицы и положением казачества вообще.

Студенческий состав Станицы, постепенно кончая высшую школу, переходит в качестве докторов, инженеров и т. п. в общую казачью семью. Станица скоро останется без членов, поэтому, мы думаем, она позаботится о выходе из создающегося положения способом, достойным своего высокого имени.

И. П.

Среди кубанских работников пера.

Давно уже, с тех пор, как кубанская пишущая братия получила возможность печатать свои произведения на страницах казачьей эмигрантской печати, стали раздаваться голоса об объединении ее в одну кубанскую пишущую семью.

Частично оно было осуществлено в кубанском отделе при литературно-журналистической секции „О-ва изучения Казачества“, основанного в г. Праге в начале 1926 г., и законным порядком зарегистрированного в Ч.-С. Республике.

Развитие деятельности кубанских поэтов, писателей и журналистов естественно вело к желанию расширить объединение и на кубанцев, пребывающих за границей, на что особенно указывали наши убежденные седины поэты, находящиеся в С. Х. С.

„Усердно прошу, постарайтесь объединить и собрать в один мощный и крепкий союз все разбросанные литераторные кубанские силы, а за ними и все казачьи“, писал один из них, „и только тогда, зная друг друга, зная кто на что способен и какую работу может выполнить, мы сумеем дружной и вполне организованной семьей завоевать себе надлежащее место среди литературного мира.

Мне думается, что через наше посредство и Европа может услышать о казаках много хорошего и полезного, а также много такого, чего она никогда и ни от кого не могла и не может узнать. Я почти за особую честь стать членом такой великой родной семьи“.

„Давно пора, давно вже пора згуртуватися всім кубанцям, хто пише і може для нашої братії козачої сказати добре козацьке слово.

Як наші козаки родіють отут по трупцях та закутках, коли читають свої козацькі рядки.

Он ба, кажуть, ми думали, що у нас на Кубані нема і людини, яка б взяла перо у руки та написала щось доброго, а воно і є, та ще і скільки! Пишуть, аж радість бере“.

Писали нам сюда, в Прагу, и из С. Х. С., и из Болгарии, Франции, Польши и из далеких стран заокеанских.

И вот на 1-е декабря с. г. инициативная группа, в 12 человек, созвала на совет тех, кто был близко, к осу-

ществлению желания объединить разбросанных по белому свету кубанских работников пера.

Без долгих слов, единогласно одобрили собравшиеся идею объединения на поле культурно-профессиональном, приняли проект Устава и избрали первый исполнительный орган, для проведения в жизнь положений Устава.

В новом объединении есть место для каждого кубанца — пишущего и непишущего, но желающего помочь собратьям на указанном поприще.

И не только кубанцы, но и не кубанцы и иностранцы, оказывающие услуги казачьей печати и работающие в ней, сочувствующие идее союза и желающие оказать материальную поддержку, могут быть членами новой кубанской семьи литераторов и журналистов.

Начало положено, дальнейшее развитие его в мощный и крепкий союз зависит от самих субанцев, чего им искренне желаем.

В добрый час!

В Болгарии.

Из Софийского станичного Правления нам сообщают, что, ввиду отъезда во Францию и. д. Станичного Атамана Г. Дощеникова, обязанности правления Софийской казачьей станицы временно возложены на Культурно-просветительную комиссию.

Впредь все дела, касающиеся Софийской станицы, направлять по адресу правления: София ул. Антим I, № 75.

Письмо в Редакцию.

Милостивый Государь, Господин Редактор!

По прежнему над казачеством носятся вихри, которые хотят в корне раздуть его. Казачество благодаря политической неразберихе по разному реагирует на эту политическую волну, в силу чего у казаков появились всякие организации, объединения, группы и даже группочки с чужой политической окраской. Все это к хорошему не приведет, а даст лишний раз врагам казачества обрушится на последнее и очернить его.

Правление Софийской казачьей станицы в силу создавшегося положения решило создать для сплочения казачьей массы, казачий уголок в гор. Софии, где будут устраиваться всякие собрания, беседы, читаться лекции и пр.

Казачий уголок будет родным гнездом для каждого казака независимо от того, какие его политические взгляды.

Правление станицы обращается к Вам, Г-н Редактор, а также и ко всем, у кого не умерла вера в возрождение могучего Казачества и у кого теплится искра любви к Казачеству и к ближнему, пойти навстречу и помочь начатому казачьему делу.

Пожертвования принимаются в правлении станицы особо для этого назначенной комиссией: София, ул. Антим I № 75.

Зам. Станичного Атамана,

Председатель комиссии П. Нос.

В Казачьих Землях.

В Павловке на свадьбе.

(Из истории советских перевыборов на Кубани).

Павловка избирает сельсовет. Едем в Павловку. Едем десятки верст широкой остывшей степью, длинно вытянутыми станицами, богатыми хуторами, рдеющими виноградниками, золотыми садами. Брызнет солнце из-за легких облаков, обрадуется степь, заиграет зеленью еле заметная озимь. Солнца нет, и тихо, и грустно в широких степных просторах.

Уже недалеко от Павловки тишину степную вдруг неожиданно, некстати пронизывает лихой свист, ржание коней, горланная хрипая песня под пьяную гармошку. Вскачь, в бешеном вихре проносится свадебный поезд.

Берегись, не то задавят! Лиц не видать. Мелькают быстрые платки, кубанки, цветы на людях, на лошадях, ленты, иконы. Неистово бьют люди ложками в медные тарелки. Жутким эхом отдается этот пыльный карнавал в далеких горных горизонтах и стынет в прохладной синеве.

С последней повозки, отставшей от свадебного поезда, человек с красными, вздувшимися скулами кричит нашему вознице:

— Дид Михайло, куда едешь?

— Везу людей до вас на выборы...

— Да какие выборы, когда скрозь гулянка, свадьба...

Добродушный, лукавый дид Михайло качает головой, оборачивается к нам.

— А револьверы у вас есть?

— А зачем, дед?

— Да так, лучше в кармане иметь... Места буйные, хмельные...

Павловка встретила еще одним свадебным поездом. А в сельсовете павловском мы узнаем, что центр свадеб на хуторе Адыгуме, на том самом хуторе, где сегодня назначены выборы. В противовес выборам местное кулачье организовало на хуторе четыре свадьбы. И если накануне школьные ребяташки разносили по избам ими же написанные избирательные повестки, то разодетые, напомаженные шаферы из местной молодежи занесли адыгумцам шишки из теста, — своего рода пригласительные билеты на свадьбу.

Не описать адыгумского веселья, размашистого, пьяного, буйно-веселого, богатого скоморошескими чудачествами. Огромный хутор из двух сот хозяйств, с крепкими каменными избами, с широкой улицей, очумел от сивухи, виноградного вина, пляшет, исходит пьяной песней, зверинным хохотом.

Мокрый от усталости носится по хутору уполномоченный избирательной комиссии. Уже несколько часов зовут людей на собрание, перевыборы назначены в два часа, уже пять, а собрание созвать нельзя. Павловка не хочет перевыборов. Павловка потонула в свадебных пирушках, в пьяном разгуле, и ей не до выборов. Павловка — зажиточная часть ея — злобствует, гогочет над тем, что ее зовут выполнить избирательный долг.

Как готовилась Павловка к перевыборам? На 15 сентября было назначено начало отчетной кампании. До октября должны были пройти отчетные кампании на 14 участках. Так должно было быть. В действительности, к 20 октября с трудом удалось собрать собрания на 9 участках. Процент явки — 20.

В продолжении двух недель пять раз на Адыгуме созывали отчетное собрание и не могли созвать. Каждый раз собрание срывали хуторские кулаки. Срывали не стесняясь, срывали нагло, открыто, срывали организованно, какими угодно способами.

„Первая отчетная кампания — пишут в своем докладе уполномоченные избир. комитета — не была достаточно подготовлена сельсоветом и партиячейкой, члены которой отнеслись к кампании безответственно“.

Павловские коммунисты, как видите, отнеслись безответственно к избирательной кампании. Зато с полной ответственностью, с избытком энергии и инициативы работали лидеры кулачества. На хуторе Адыгуме создается ряд групповых кулацких собраний. Первое собрание у Кульсенка, второе — у Савченка. На этих заседаниях широко, широко разрабатывались планы проведения избирательной кампании. В первую очередь — поднято широкую агитацию среди населения за неявку. Если собрания соберутся, то их нужно дезорганизовать через бедняков и женщин. Эти методы в Адыгуме не новы. Они были использованы кулаками при проведении землеустройства.

Отчетные собрания срывались под видом групповых вышивок, на которых спаивалась беднота под видом крестин, именин, поминок, продажи коровы с могорычем. На одном из таких собраний выступит Ильченко, как здесь говорят, знаменитый Федор Ильченко, бывший атаман ст. Гостагаевской, бывший член Кубанской Рады, организатор кулацких группировок, с речью:

— Нынешней избирательной кампании нам нечего бояться... Это последняя. В 1929 году они сменяются...

Таковыми речами запугивают бедноту, парализуют ея активность...

В шестой раз на Адыгуме все-таки удалось созвать отчетное собрание. На этом собрании выступает некий Березовский, выступивший из партии, с резолюцией по докладу сельсовета:

Работу сельсовета признать удовлетворительной. С наших нечего взять... А работу ВЦИК, ЦИК СССР и всей советской власти считать неудовлетворительной.

Резолюцию отвергли, но речь Березовского была принята в „порядке самокритики“. Так и говорят в Адыгуме:

— Ну что же, нам нельзя покритиковать высшую власть?..

И за свою резолюцию Березовский продлжает агитировать и после собрания...

(„Известия“ № 270)

Четыре пятых довоенного посева и половина лошадей.

„Экон. Жизнь“, 24 ноября, пишет, что намеченный план озимой посевной кампании в нынешнем году по Северному Кавказу не удалось выполнить полностью.

Только что закончившееся краевое совещание земельных работников, подводя итоги яровой и озимой кампаниям нынешнего года, констатировало, что Северный Кавказ достиг пока лишь 82,8 проц. общей довоенной посевной площади.

Невыполнение плана озимой кампании в крае произошло, во-первых от неблагоприятных атмосферических условий в начале осени (отсутствие дождей, прохождение холодной волны с заморозками), вследствие чего сроки посева в северных округах были пропущены, а на юге сев чрезмерно растянулся.

Но самая главная причина заключалась в том, что недостаток посевного материала и тяговой силы в подобных климатических условиях особенно усложняли положение.

Нельзя не отметить, что удельный вес рабочих лошадей, составляющих до сих пор основную тяговую силу в крае в общем поголовья скота составляет теперь лишь 8,2 проц. вместо 14,6 проц. в 1913 году. Общее же число тяговой силы в крае составляет теперь лишь 54,3 проц. довоенного количества.

Письма из дому.

Из Д-го округа от 3 августа.

Здравствуй милый друг — „—! Во первых строках сего письма спешу уведомить тебя, что мы все живы, чего и тебе желаем на чужой стороне. И желаем, чтобы в скорости с тобой увидеться. Посылаем тебе свой чистосердечный привет. Моя мама посылает тебе свой сердечный поклон. Дочери твои шлют душевный привет. Мне все понятно из твоего письма и не приходится на тебя обижаться.

Вот я тебе пропишу про свою жизнь. Очень плохая наша жизнь. Дети наши возросли без отцовских слов, трудно матери воспитать одними своими руками.

Ты пишешь, как у нас мануфактура. Мало и очень дорогая, а ботинки самые дешевые 12 рублей.

Урожай у нас плохой, а сады не дже хорошие, продать нечего, только для себя.

А скотины у нас 5 штук и ту придется продать да хлеба купить.

Извиняюсь, что плохо написала, написала бы больше да горе с ног валит.

С тем до свидания. Жду, жду скорого ответа.

Из Хоперского округа, от 24 сентября.

... Самое главное тебя нет. Племянница уже невеста. Много сватов было. Посоветуй нам, отдавать ее замуж, или ждать, пока ты придешь...

Открыта подписка на 1929 год

на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество ≡ ≡ Вільне Козацтво“

В 1927—1928 г.г. в журнале принимали участие:

1. Г. Алферов (Югославия). 2. Д. Андриевский (Швейцария). 3. Д-р А. И. Балабас (Прага). 4. Д-р Е. И. Балабас (Прага). 5. Шамба Балинов (С. Галданов) — (Чехословакия). 6. Санжа Бальков (Чехосл.). 7. О. Белоус (Прага). 8. Инж. В. Бейсуг (Прага). 9. Бёлэшке (Чехосл.). 10. И. А. Билый (редактор). 11. М. Битинский (Прага). 12. И. Ф. Быкадоров (Прага). 13. И—ф Б—ов. 14. Б—н. 15. В. Вазагов (Прага). 16. И. Васильев (Болгария). 17. И. П. Вихлянцев (Прага). 18. А. А. Гейман (Югославия). 19. В. Г. Глазков (Прага). 20. Е. Голованов. 21. Юрий Гончаров (Прага). 22. Давлет-Бей (Югославия). 23. П. Дидошин (Франция). 24. О. Долинский (Чехосл.). 25. Мартин Забгайло (Югославия). 26. А. Запольева (А. Кирьякова) — (Чехосл.). 27. М. Карпов (Болгария). 28. Ол. Кукунько (Подбради). 29. И. И. Колесов (Прага). 30. В. Клевцов. 31. П. Крюков (П. Атаманцев) — (Болгария). 32. Борис Кундрюцков (Белград). 33. Вадим Курганский (Белград). 34. Вл. Куртин (Югославия). 35. Я. Лопух (Болгария). 36. Сергей Макеев (Франция). 37. Гнат Макуха (Югосл.). 38. Е. Маланюк (Подбради). 39. Медарь Сем. (Чехосл.). 40. Инж. М. В. Минаев. 41. М. Мухин (Чехосл.). 42. С. Нальянч (Польша). 43. Нарбеков. 44. М. Н—ов. 45. М. Оверкович (Прага). 46. О. Олесь (Чехосл.). 47. Алексей Персидсков (Брно). 48. В. Петров (Румыния). 49. Ф. Полк (Югославия). 50. П. Покотило (Подбради). 51. Константин Поляков (Брно). 52. Павел Поляков (Белград). 53. Я. Рудик (Прага). 54. С. Савицкий (Бразилия). 55. Л. Н. Самсонова (Германия). 56. М. И. Самсонов (Германия). 57. Т. М. Стариков (Прага). 58. А. Стремьянной (Франция). 59. И. С—ов. 60. Е. Троицкий (Прага). 61. Хв. Удовико (Варшава). 62. С. Фарапонов (Югославия). 63. Фариз. 64. Д-р С. Федоров (С. Ф. Лантух) — (Прага). 65. М. Ф. Фролов. 66. А. Цалыккаты (†) и др.

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4,5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 ¹ / ₂ ам. д.	3 ам. д.

Редкция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже: в Ч. С. Р. — 3 кр., в Польше — 0,75 зл., в Югославии — 5 дин., в Болгарии 10 лева, во Франции — 2 фр. 50 с. В других странах — 15 ам. ц.

Вышла из печати книжка

И. А. БИЛОГО

„КАЗАЧЬИ ЗЕМЛИ“

Отдельный оттиск исправленных статей из номеров 19—23 журнала „В. К.“, с приложением таблиц и карты Земель Европейского Казачества.

Ограниченное количество экземпляров поступило в продажу.

Цена 5 к. ч.

Обращаться в редакцию „Вольного Казачества“.